

Спартанец. Племя равных

Автор:

Алексей Живой

Спартанец. Племя равных

Алексей Живой

Боевая фантастика (АСТ)Империя #4

Царь Спарты Леонид хочет новой судьбы для своей страны и всего греческого мира. Но для этого нужно уничтожить армию эфоров и царя Леотихида – и стать единоличным правителем.

Леонид готовит тайное вторжение на свою родину. На долгую войну времени нет, оно должно стать молниеносным, ведь персы лишь отброшены от центральной Греции, но не разбиты окончательно.

Верный слуга Леонида Гисандр, дух которого несколько лет назад перенесся в это время из двадцатого века, вместе с царем отплывает в Спарту на кораблях первой армии вторжения. Это запрещенный эфорами и тайно построенный Леонидом флот, оснащенный баллистами – не менее тайным оружием, которого еще не знает остальной мир.

Однако большая часть граждан Спарты все еще стоит за эфоров и старые порядки. В случае победы Леонида страна пойдет по новому пути, а результаты этих перемен потрясут весь греческий мир. Начинается гражданская война, в которой лучшие воины бьются друг с другом насмерть. Это Спарта, и это – битва героев. Здесь никогда не отступают. Здесь либо побеждают, либо – умирают.

Алексей Живой

Глава первая

Вторжение

Сгустившийся туман надежно скрывал от посторонних взглядов парус и хищный остов триеры, рассекавшей волны у знакомых берегов. Кифанта, город периеков, который был почти неразличим на фоне ночного неба, располагалась у подножия огромного мыса. Не прошло и года с тех пор, как Гисандр побывал в этом городе вместе со своим отцом-геронтом. Тогда они прибыли из столицы посуху, на повозке, как и подобает чиновникам. А море увидели, лишь спустившись с холма на пирс. В то время Гисандр тайно искал мастеров для изготовления секретного оружия. И вот теперь он плывет с этим оружием к знакомым берегам, неся смерть спящему городу.

Гисандр бросил взгляд на новехонькие баллисты[1 - Торсионные орудия (катапульты, баллисты) были изобретены лишь около 350–300 гг. до н. э.], стоявшие у бортов триеры. Затем посмотрел на прислугу, готовую открыть огонь по его команде. Даже зажигательными горшками, если понадобится, благо Темпей заготовил их в большом количестве. Но Тарас, как его звали в прошлой жизни, предпочитал сделать все по-тихому. Лишний шум, да еще пожар во время ночного нападения были ни к чему. К счастью, как он узнал после первого посещения этих мест, горючий белый лен хранился в приземистом здании складов, построенных из камня, которому был не страшен даже пожар. Амфоры с маслом, вероятно, хранились там же.

Впрочем, все это интересовало спартанского наварха во вторую очередь. Обстреливать город и порт он не собирался. Сначала следовало быстро уничтожить охрану порта и захватить арсенал, где хранились мечи и копья. Боеспособных частей в городе не много, да и были это в основном периеки[2 - Периеки – дословно «окрестные жители» – свободное, но бесправное население Лаконии, не входившее в состав гражданского коллектива Спарты. Периеки, согласно традиции, жили своими общинами, сформировавшимися из остатков ахейского населения Лаконии после завоевания ее дорийцами, занимались

торговлей и ремеслами. То есть тем, чем гражданам Спарты было заниматься категорически воспрещено. В городах и общинах периеков было сохранено местное самоуправление, но никакого права голоса в общественной жизни Спарты они не имели. Кроме того, в случае объявления войны они обязаны были исполнять воинскую повинность.]. А эти, сколько ни переодевай в одежду спартанцев и ни учи владеть мечом, со спартанцами не сравнятся. Хотя бывали и среди них исключения.

Главным достоинством периеков была их многочисленность. Среди повстанцев, которые уже готовы были воевать на стороне Леонида, было немало периеков. А оружие, которое собирался захватить наварх, как раз и понадобится для тех, кто примкнет к ним, едва начнется мясорубка.

«В любом случае на роль “пушечного мяса”, как говорили в прошлой жизни, – подумал Тарас, – периеки сгодятся. Спасут немало спартанских жизней».

Осмотрев баллисты и затаившихся на корме морских пехотинцев в полном боевом облачении, которых здесь было несколько десятков, спартанский наварх остался доволен. Его корабль и команда были готовы к нападению.

Он шел первым. А там, позади, совершенно неразличимые во мгле, крались еще два десятка триер с морпехами. Кифанта, не имевшая оборонительных стен, как любой спартанский город[3 - Спартанцы специально не возводили крепостных стен вокруг своих городов, считая, что так их солдаты будут биться с врагом насмерть. Спартанская тактика ведения боя вообще не предполагала отступления (не считая ложных отступлений во время боя, для того чтобы заманить врага в ловушку). Спартанцы могли либо победить, либо умереть.], была обречена.

Очередная волна неожиданно потрянула корабль, обдав брызгами наварха и всех, кто стоял рядом с ним на палубе. Корабль, шедший под парусами, закрипел всем своим корпусом.

«Только бы на мель не налететь, – едва не высказал вслух свои опасения Гисандр, вернувшись к созерцанию береговой линии, почти сливавшейся с темным небом, – тогда всем планам неожиданного нападения конец».

Но Аполлон хранил их. Ночь – время спартанцев. И Гисандр решил, что все должно пройти тихо и быстро. Иначе царь Леонид, двадцать триер которого сейчас точно так же подбирались со стороны ночного моря к побережью Тироса, стоявшего гораздо севернее, его не похвалит.

Вскоре туман начал редеть.

– Убрать парус и перейти на весла! – приказал Гисандр капитану, находившемуся в двух шагах. Едва тот исполнил приказание и парус с шелестом опустился на палубу, как передовая триера выскочила из укрывавшего их облака на открытую воду. Некоторое время они продолжали по инерции нестись к берегу на полном ходу, словно чудовище, вынырнувшее из морских глубин.

Гисандр посмотрел вперед и вдруг ясно увидел один из пирсов Кифанты, уже так близко, что можно было разглядеть привязанные рыбацкие лодки. До него оставалось не больше двух стадий[4 - Стадия (греческая) – мера расстояния, равная 178 метрам.]. Но и спартанцы теперь стали заметны с берега, на котором уже были различимы темные громады складов и арсенала, расположившиеся неподалеку друг от друга. Пока что все было тихо. Кифанта казалась спящей, а на пирсе никого не было видно.

– Сбавить ход, – приказал Гисандр, кладя ладонь на рукоять меча, и, обернувшись к капитану, добавил: – Правь прямо к пирсу, с той стороны, где нет лодок. И швартуйся, пока нас не заметили.

Но когда триера, выбросив весла по бокам, усилиями гребцов сбавила ход и, качнув хищным носом, стала медленно подбираться к пустынному пирсу, Гисандр сначала услышал топот сандалий, а потом и увидел небольшой отряд из вооруженных копьями бойцов, спешивший к ним навстречу.

– Поздно, – недобро усмехнулся наварх, поправляя ремешок шлема, пока триера со скрежетом притиралась к деревянному настилу широкого пирса, предназначенного больше для погрузки торговых кораблей. – Этокл и Бриант, приготовьте гастрифеты[5 - Гастрифет (усиленный лук, предтеча арбалета) – впервые появился в Сиракузах около 400 года до н. э.]. Я их отвлеку, начну сам, а потом вы вступите со своими инструментами. Постарайтесь без шума.

Оценив расстояние до приближавшихся солдат, которых было на первый взгляд не больше десятка, Гисандр посмотрел на морпехов и приказал их командиру – рослому спартанцу по имени Архон:

– Готовимся к высадке. А пока всем пригнуться и сесть на палубу, чтобы вас было не видно хотя бы в первые мгновения. Ждем моего сигнала.

Архон кивнул, сделал неуловимое движение рукой, и морпехи почти распластались на палубе триеры, опустив оружие и слившись со снастями.

– Тебя тоже касается, – толкнул Гисандр в бок своего инженера-алхимика, который продолжал как ни в чем не бывало наблюдать за приближавшимися гоплитами, – а то еще зацепят случайно.

Темпей кивнул и тоже рухнул на палубу вслед за морпехами. Рассвет еще не начался, луны на небе не было, и в такой тьме у самого борта триеры можно было различить лишь силуэт Гисандра, капитана и еще нескольких моряков, спускавших сходни на пирс. Этокл и Бриант присели за баллистами, также оставаясь невидимыми для охранников.

Едва Гисандр спустился на широкий пирс и остановился, в ожидании скрестив руки, как послышались торопливые шаги. Вскоре у триеры появилось несколько бойцов из охраны порта, бежавших быстрее остальных. Окинув их взглядом, наварх убедился в своих догадках. Это были периеки, рекрутированные на охранную службу, чтобы не утруждать ею настоящих спартанцев. Одеты и вооружены, как обычные спартанские гоплиты, – доспехи, меч на поясе, щит и копье в руках, – но наметанный глаз Гисандра было не обмануть.

– Кто такие? – без должного уважения поинтересовался тот, что остановился ближе всех, широкоплечий крепыш с бородой, вооруженный только мечом и щитом. – Почему пристали ночью и без разрешения от властей Спарты?

Остальные сгрудились у него за спиной, сжимая копья и с удивлением поглядывая на триеру, с которой больше никто не сходил. Из темноты позади них появилось еще несколько человек. «Десять, – пересчитал зыбкие силуэты Гисандр, – похоже, пока все. Интересно, сколько вас на берегу?»

– Ты что, ослеп? – возвысил голос наварх, перехватывая инициативу и давая понять охранникам, что они разговаривают не с простым спартанцем, а с важной птицей. – Спартанцы здесь хозяева. И с каких пор спартанцы должны спрашивать разрешения, прибывая к себе домой, периек? Я могу пришвартоваться на своем корабле когда угодно и где угодно. Даже ночью, ведь спартанцы передвигаются и по ночам. Ты должен это знать.

Но крепыша было не так просто убедить.

– У Спарты нет флота, – заявил он, подозрительно глядя то на Гисандра, то на триеру, чуть приподнимая меч и делая шаг навстречу. – И нас никто не предупреждал о прибытии военного корабля этой ночью. Здесь останавливаются на разгрузку только торговые суда.

Сделав еще шаг, он тоже возвысил голос и приказал:

– Назови себя и скажи, зачем прибыл! А не то я вас всех арестую и посажу в яму, пока не выясним, кто вы и откуда.

Гисандр едва не потерял дар речи. Еще ни один периек с ним так не разговаривал. Кровь бросилась ему в лицо, и в приступе ярости спартанец чуть было не схватился за меч, чтобы немедленно убить своего обидчика. Но усилием воли справился с собою, решив еще немного потянуть время. Однако в это мгновение сама судьба вмешалась в затянувшийся разговор.

– Смотрите! – воскликнул вдруг другой периек, указывая куда-то за спину Гисандра. – Еще корабли!

Гисандр обернулся и увидел, как из тумана показалось сразу шесть парусов, это достиг берега второй эшелон его триер. В свете появившейся из-за облаков луны даже отсюда стали видны выстроившиеся вдоль бортов солдаты со щитами и мечами.

– Это нападение! – заорал главный периек, вскидывая меч. – Убить их!

Но сам все медлил. И копейщики за его спиной тоже замерли в нерешительности. Похоже, вид гоплита, одетого в такие же, как и у них,

доспехи, сбивал с толку. Да и держался тот как-то слишком уверенно и спокойно, никуда не бежал.

«Сразу видно, что не спартанцы. Те сначала убили бы всех, а потом стали разбираться, кто перед ними. Ну, все, – решил утомленный разговором наварх, – пора заканчивать этот театр».

– Я помогу тебе. Ты хотел знать, как меня зовут? – спросил он, делая шаг вперед и вставая вполоборота к своему противнику, так что между ними осталось не более трех шагов. – Меня зовут Гисандр, я наварх первого спартанского флота.

Он чуть помедлил, незаметным движением вытаскивая узкое лезвие из ножен на поясе.

– И еще, твой друг прав. Это – нападение.

Резко брошенный нож незаметно вылетел из руки наварха, и командир охранников, схватившись за горло, рухнул на влажные доски пирса. Харкнув кровью, он мгновенно затих. Зато остальные сразу бросились на Гисандра, выкинув вперед копья. К счастью, в первом ряду было всего трое нападавших.

Увернувшись от первого копья, наварх шагнул в сторону, выхватил свой меч и отбил второе, одновременно пнув носком сандалии в пах нападавшего периека. Тот взвыл от боли, согнувшись, на мгновение забыв обо всем. Третье копье заставило Гисандра присесть, пропуская его над собой. В этот момент он оказался так близко к борту триеры, что копье периека, звякнув по шлему, вонзилось в обшивку и застряло в ней.

– Вот это подарок, – обрадовался наварх и нанес обезоруженному противнику удар клинком в живот снизу-вверх. Вспоров кожаный панцирь, меч спартанца рассек кишки периека. Дикий вопль был тому подтверждением.

– Заткнись! – прикрикнул на него Гисандр, распрямляясь и ударом ноги отправляя истекающего кровью бойца в воду. – Умри молча, как мужчина.

Еще не затих громкий всплеск от падения тела в воду, как новый удар копья, а после еще один и еще, заставили Гисандра, яростно вращая мечом в полутьме,

податься назад. На него вновь наступали трое. Но, к счастью, Этокл и Бриант решили больше не ждать. В следующее мгновение две короткие стрелы, выпущенные из гастрарфетов с высокого борта триеры, отбросили крайних нападавших назад, прошив доспехи на груди как папирус.

Оставшийся воин продолжал наступать. Он так увлекся, решив, что уже загнал противника в угол пирса, за которым виднелась только темная гладь воды, что допустил ошибку. Периек раскрылся, слишком далеко выбросив руку с копьем и отведя в сторону щит, за что был тут же наказан. Тарас всегда успевал ловко уворачиваться от ударов копья, хоть и дрался без щита. Сказывалась длительная подготовка. В этот момент, вновь увернувшись, разъяренный спартанец хлестким движением рубанул по руке противника. Одним ударом наварх отсек нападавшему кисть. Окровавленная пятерня упала вместе с копьем на доски. Раздался душераздирающий вопль бойца, который тут же упал на колени и выронил щит из другой руки, схватившись ею за окровавленную культю.

Не раздумывая, Гисандр шагнул к нему и нанес хлесткий удар по оголенной шее, которую шлем уже не мог защитить. Отделившись от тела, голова периека прокатилась по мокрым доскам, запачкав их кровью, и упала в темную воду, издав громкий всплеск.

– Лучше потерять руку, чем голову, – назидательно произнес Гисандр, стоя над обезглавленным мертвецом и глядя, как морпехи, один за другим, выбегают на палубу или прыгают через борт на доски пирса.

Морпехи сразу же бросались в атаку на обескураженных охранников, число которых за время схватки с Гисандром удвоилось. Этот бой оказался быстротечным. Пятеро из солдат Кифанты умерли на месте буквально за мгновение под ударами морпехов, еще двоих сняли гастрарфетки с палубы. Остальные, неожиданно увидев перед собой лавину атакующих спартанцев, покидали в воду оружие и бросились бежать в сторону берега.

– Периеки, – процедил сквозь зубы Гисандр и даже сплюнул от презрения. А заметив пробежавшего мимо Архона, крикнул тому вслед: – Догнать всех! Никто не должен добраться с побережья до города, пока мы не захватим арсенал и склады.

В этот раз наварх не устремился в бой за своими морпехами, предоставив команду Архону, а задержался у триеры. Обернувшись, он всматривался в прибывающие корабли. Шесть триер при ярком лунном свете шли уже не таясь под парусом и лишь у самого берега, как и корабль Гисандра, перешли на весла.

Две из них причалили рядом с местом швартовки наварха, остальные взяли правее, заметив еще один пирс. С едва причаливших кораблей на мокрые доски посыпались морпехи – новые подразделения, которых в Спарте до сих пор еще не видели, впрочем, как и собственного флота. Большая часть этих солдат были спартанцами, некоторые даже афинскими гоплитами, перешедшими на службу к царю Леониду после падения Афин. Но морпехи из экипажей трех кораблей, участвовавших в нападении на Кифанту, были собраны из бывших пиратов и разношерстных бандитов, кое-как обученных воевать в строю. В морском бою им просто не было равных. Этим отчаянным вояк Гисандр привез прямо с Итаки, места, где тайно зародился первый флот Лакедемона. Размахивая мечами, словно шли на абордаж, бывшие пираты бежали в сторону складов и арсенала Кифанты, у которых уже разгорелся нешуточный бой.

А Гисандр, как замороженный, все смотрел и смотрел на море. Там, из черного ночного воздуха и редящего тумана возникали все новые корабли спартанцев. Вскоре им перестало хватать места на пирсах, и новая линия из семи кораблей осторожно подошла на веслах к самому берегу, а морпехи стали спрыгивать прямо в воду.

Ради внезапности нападение было задумано ночью. Несмотря на то что многие капитаны были неопытными и не знали этих вод, – ведь почти никто из них никогда не бывал в Спарте. Даже афиняне. Риск разбить корабли был велик, но оправдан. Однако спартанцам удалось приблизиться и даже высадиться незамеченными, как и рассчитывал царь Леонид, поскольку их никто не ждал здесь. Гисандр вообще был удивлен, как гладко пока проходило вторжение. Но, едва он об этом подумал, как начались несчастья. Один из кораблей в темноте все же налетел на прибрежные скалы, получил пробоину в борту и завалился на бок. Вся команда вместе с морпехами оказалась в воде. Рядом с ним вскоре и другая триера села на мель.

– Баллисты спасайте! – крикнул наварх морякам с перевернувшегося корабля. – Утонет хоть одна – всех казню!

Он не был уверен, что его услышали, но моряки и солдаты действительно бросились спасать оружие, вскоре вытащив все баллисты на берег. Наконец, последние корабли появилась из тумана и высадили оставшихся солдат на берег. Все пирсы и воды местной бухты, освещенной пока только лунным светом, запрудили спартанские триеры. От этого зрелища первый наварх Спарты пришел в неопиcуемый восторг.

– Вторжение началось, – констатировал вслух Гисандр, закончив созерцать морскую часть операции, – пора заняться делом на суше, пока не рассвело.

Заметив высунувшегося из-за баллисты Темпей, добавил:

– А ты пока на корабле посиди.

Тщедушный Темпей кивнул. Врачеватель и алхимик по совместительству явно не горел желанием померяться силами с местными гоплитами. Не его это было дело.

Между тем Гисандр, подозвав жестом своих гастралетчиков, что служили ему личной охраной, направился к местному арсеналу – каменному зданию, расположенному недалеко от берега. Он бывал в нем уже раньше вместе с отцом-геронтом и нашел здесь тех самых мастеров, что изготовили ему баллисты. К счастью, сейчас все они были далеко и находились в безопасности. Гисандр, командовавший вторжением в Кифанту, мог не беспокоиться, что по случайности его воины убьют лучших мастеров, которых он так ценил. Еще на суше он отдал приказ солдатам – ни при каких обстоятельствах не убивать местных мастеров-оружейников, если они не окажут сопротивления. А если окажут, – все равно не убивать. Только обезоружить, связать и ждать дальнейших распоряжений. Кто-то должен был ему строить новые баллисты в будущем. А их понадобится очень много, когда все препятствия для производства будут сняты.

Приблизившись к арсеналу в сопровождении охраны, Гисандр узрел у единственного входа в здание несколько десятков мертвецов, валявшихся на песке. Все они были одеты как спартанцы, так что наварх не смог понять, кто из них принадлежит к охране арсенала, а кто к его людям. К счастью, неподалеку наварха ждал Архон со своими морпехами, готовый все объяснить.

– Потери у нас есть? – поинтересовался наварх, осматривая убитых, которые в большинстве своем были зарублены мечами.

– Еще не всех посчитали, но, думаю, не больше пятерых бойцов с нашего корабля, – ответил Архон и, кивнув на команды с остальных триер, добавил: – На других кораблях потерь больше. А здесь было всего человек двадцать охранников.

– Отлично, значит, нас действительно никто не ждал, – остался доволен услышанным Гисандр. – Как мы и планировали. А теперь пойдем внутрь, посмотрим, что удалось захватить.

Наварх бросил взгляд на морпехов с других кораблей, которые уже подавили все очаги сопротивления на берегу и ждали его команды, собравшись чуть в стороне у складов. Перешагнув через двух мертвых периеков, валявшихся в луже собственной крови прямо на лестнице, Гисандр взял в руки чадивший факел, выдернув его из специальной подставки на стене, и спустился вниз по широким ступеням.

Впереди него шли морпехи с корабля, а позади воины с гастрафетами. Повсюду виднелись следы борьбы и лежали мертвые воины в красных плащах и спартанских одеждах. «Надо бы знаки различия придумать для солдат армии Леонида, – неожиданно пришла в голову наварха простая и ясная мысль, – повязки на руку надевать, что ли. А то в пылу сражения не отличим своих от чужих. Все на одно лицо. Не с персами ведь воюем».

– Мы застали их врасплох, – пояснил Архон, – закололи охрану снаружи, открыли дверь и ворвались внутрь, быстро перебив всех, кто тут был.

Дойдя до нижнего широкого помещения, где некогда работали теперь его личные мастера Поликрат и Еврон, Гисандр с удивлением остановился у одной из десятка имевшихся здесь печей. Нигде сейчас не горел огонь, печи были холодные. Оглядываясь вокруг, наварх поинтересовался:

– А что, разве мастеров с подмастерьями и чернорабочих здесь не было?

Архон отрицательно замотал головой.

Гисандр, подняв факел повыше, молча осмотрел выстроенные вдоль стены копья и мечи. На первый взгляд копий здесь было не меньше двух сотен, а мечей почти пятьсот, можно было вооружить целую мору[6 - Мора – крупное подразделение спартанской армии, насчитывала около 500 воинов.]. Это была завидная и легкая добыча.

– Странно, – пробормотал Гисандр, припоминая свои встречи с мастерами-оружейниками, – обычно они даже по ночам работают. А сейчас пусто. Может, сбежали до вашего прихода или праздник какой?

Он еще раз пристально обвел взглядом помещение в мятущемся племени факела и не заметил никаких признаков поспешного бегства.

Архон в ответ лишь демонстративно пожал плечами.

– Ладно, – закончил осмотр трофеев наварх, – идем назад. Все это собрать и пока погрузить на корабли.

Оказавшись снаружи, Гисандр заметил первые лучи солнца на ночном небосводе. Вдоль всего побережья над морем протянулись розовые полосы, отчего силуэты скопившихся в гавани триер стали еще отчетливее.

– Порт наш, – произнес наварх и, посмотрев в сторону скопления домов у подножия недалекого холма, добавил: – Пора захватить этот спящий город, пока он не проснулся.

Гисандр отдал приказ построить всех солдат, оказавшихся на берегу. А когда перед ним, блестя щитами и копьями, вытянулся строй армии вторжения, в которой насчитывалось больше тысячи человек, довольно улыбнулся.

«С такими силами Кифанта к полудню будет моей», – подумал наварх, но вслух коротко приказал:

– Выступаем. Никого не щадить.

Глава вторая

Новый закон

Как ни пугал неопытных мореходов гнев Посейдона, но отплытие ударного флота из Афин по совету своего первого наварха царь Леонид назначил на ночное время. И вскоре четыре десятка триер, оставив за кормой сначала остров Саламин, затем скалистую Эгину и Калаврию, тайно вышли в море. Уже на рассвете следующего дня корабли первого спартанского флота миновали побережье Арголитиды, едва напомнившее о себе тонкой изломанной линией на горизонте. И, под прикрытием дымки из облаков, устремились в направлении берегов Лаконии.

Царь Леонид специально приказал выйти так далеко в море, чтобы никто не сообщил в Спарту о приближении его тайного флота до тех пор, пока они сами не достигнут ее берегов. А потом уже будет поздно.

– Любой встречный корабль, Гисандр, должен быть захвачен, а команда перебита, – приказал царь, когда, несколькими днями ранее, они обсуждали на тайном совете с навархом и командующим сухопутными силами план нападения на Лакедемон[7 - Государство спартанцев на полуострове Пелопоннес в древности именовалось Лакедемон, а Спартой назывались лишь несколько поселений на правом берегу реки Эврот. Впоследствии название этого политического центра в области Лакония перешло на все принадлежащие государству (как исконные, так и завоеванные) земли.], находившийся сейчас во власти эфоров[8 - Эфор – от греческого «надзирающий» – высшая судебная должность в Спарте. В первые годы появления должности, предположительно, эфоры назначались царем для его замещения во время военных походов. В обязанности эфора (всего их было пять) изначально входили только судебные функции в гражданских делах. Но постепенно эфорат расширил свои полномочия, выйдя из-под контроля царей. А вскоре сам поставил под контроль общины царскую власть. Эфоры выбирались на один год. Переизбрание на второй год запрещалось.]. – Никто в Спарте не должен узнать о нашем приближении раньше, чем я нанесу свой удар. Я уже принес жертвы богам, и они приняли их. Значит, наш поход будет успешным. Однако и плата за победу будет высокой.

– Конечно, мой царь, – кивнул Гисандр, ничуть не испугавшись, – любой спартанец всегда готов умереть. Тем более я. А ради освобождения своей родины от власти эфоров – я готов умереть даже дважды, если бы боги даровали мне две жизни.

Говоря так красноречиво, что было непохоже на обычные спартанские речи, Гисандр ничуть не кривил душой. Но Леонид простил ему излишнее многословие, столь неприличное для спартанцев, потому что отлично знал – Гисандр ненавидит эфоров не меньше, чем он сам. И доказал это уже не раз своей верной службой.

Гисандр действительно ненавидел эфоров ничуть не меньше самого царя Леонида, но совсем по другой причине. Хотя, если разобраться, причина была все-таки схожей. Эфоры стояли на страже древних законов Ликурга[9 - Ликург – полулегендарная личность, которой приписывается введение новых суровых законов, с которого началось отмежевание Спарты от стиля жизни остальных греков. К 676 году до н. э. относится «Большая Ретра» – самый ранний документ архаической Греции, условно содержащий запись Законов Ликурга. До этого времени Спарта не сильно отличалась от остальных греческих полисов, но уже к V–IV векам до н. э. она превратилась в «военный лагерь». Согласно Плутарху, Ликург изменил не просто отдельные законы, а преобразовал все государственное устройство и внедрил в общество совершенно иной образ жизни. Он осуществил передел земли, чтобы добиться всеобщего равенства граждан (не зря спартанцев называли гомеями, т. е. равными), и наделил каждого из них равным участком земли, чтобы изгнать зависть, злобу и роскошь, а также богатство и бедность. Ликург «изгнал» деньги. Он вывел из употребления всю золотую и серебряную монеты, запретил «бесполезные» ремесла и торговлю. С его именем связана и система спартанского воспитания. Воспитательный процесс был непрерывным и продолжался даже в зрелые годы.], много столетий сильно ограничивающих власть царей. А также не позволявших Спарте иметь собственный флот, создавать иное оружие, кроме меча и копья, а также развивать любые ремесла, торговлю, а тем более наслаждаться искусством. Именно из-за этих традиций, был уверен создатель баллист и первый наварх флота, Спарта не имела и половины той власти в греческом мире, которую могла бы иметь. И это несмотря на самую сильную сухопутную армию.

У Спарты была великолепная, самая лучшая в Греции армия из закаленных бойцов, каждый из которых стоил не меньше семерых[10 - Обычно любая

греческая армия, рискнувшая биться со спартанцами, выставляла фалангу на шесть рядов в глубину, превосходившую построение бойцов Лакедемона. Именно в такой пропорции противники оценивали силы своих и спартанских бойцов.] воинов врага. Но передвигаться она могла только посуху и пешком. Использовать корабли и коней спартанцам настрого запрещалось. Биться в строю за свою родину могли только граждане Спарты, никаких других сословий или наемников. Войско было сильным, но довольно малочисленным, что заметно ограничивало его возможности. Впрочем, частые потери граждан в войнах, которые Спарта вела почти непрерывно, все же привели к некоторым послаблениям: с недавних пор в армию набирались периеки. Но пока только на роль вспомогательных частей. Да и сравниться в воинской подготовке вчерашние ремесленники со спартиатами, отдававшими этому делу всю жизнь, конечно, не могли.

Созданное Гисандром и уже успешно опробованное в битве с персами новое оружие, называвшееся баллистой, вообще могла постичь участь кифары Тимофея из Милета[11 - Кифаред Тимофей из Милета настолько хотел сладкозвучия, что к семи прежним струнам натянул еще несколько новых на своем инструменте. За эту дерзость эфоры его наказали. Они отобрали инструмент и устроили ему показательную казнь: прибили кифару к стене в назидание другим. Самого кифареда, к счастью, не казнили, хотя могли. За нарушение традиций Спарты и законов Ликурга смертная казнь применялась часто.]. Как и все изобретения в Спарте, создателей которых почти всегда казнили. Ведь все новое запрещалось, а жизнь и смерть должны были идти своим чередом, как и сотни лет назад. Законы Ликурга были написаны на века и до сих пор оставались незыблемы. На страже этих законов и стояли эфоры, возвысившиеся даже над царями. А значит, по неумолимой логике, для того чтобы изменить судьбу Спарты, нужно было бросить вызов самими эфорам. И сделать это мог только тот, кто решился рискнуть своей жизнью и пойти до конца.

Смерть спартанцев не страшила. Они всегда готовы были умереть за родину. Но начать войну со своими соплеменниками для того, чтобы потрясти Спарту, а затем и весь греческий мир отменой заветов Ликурга, – на это были способны не многие из храбрецов. А лишь те, что отважились заглянуть в будущее. И еще те, кто просто любил своего царя и верил ему во всем.

Во главе возникшей буквально за последний год, не без участия Гисандра, тайной силы, стремившейся захватить власть в Спарте, находились только

трое – сам царь Леонид, полководец Эвривиад и наварх Гисандр. Точнее, здесь, в Афинах, заметны были только трое, а сколько еще тайных советников, не считая пифия Клеандра, и доброжелателей находилось вокруг царя в войске и в самой Спарте, не знал даже сам Гисандр. Впрочем, как и количество его недоброжелателей, а также противников отмены древних традиций. Одно было ясно, их будет едва ли меньше, чем половина Спарты. Ни Леотихид, ни тем более эфоры, просто так власть не отдадут. А значит, все придется решать силой оружия. Но это не пугало мятежного царя. Ведь Леонид уже давно втайне создавал с помощью Гисандра то самое новое оружие, которое и решил теперь направить против тех, кто был так слеп и не хотел верить в его силу.

Однако недовольство эфорами и двоевластием, несмотря на видимость порядка, росло уже очень давно, и дело было не только в личности самого царя. За Леонидом и его помощниками, готовившими заговор, пошла почти половина армии Лакедемона, бившаяся с ним у Фермопил, при Дельфах и захватившая в итоге Афины. Стоило лишь ему озвучить свою цель. Для многих приверженцев рода Агиадов отдать жизнь за царя было равносильно смерти за Спарту, пусть даже и в борьбе с ее же сыновьями. Эти воины шли за своим царем туда, куда он скажет, и готовы были повернуть свое оружие против его врагов. Или тех, кого он назовет своими врагами. И хотя дом Евприпонтидов был менее популярен в народе, на первом этапе Леонид открыл свои планы лишь части полемархов, в которых был уверен, обозначив дату нападения. Остальные же пока оставались в неведении относительно планов царя.

Часть этой армии, шесть мор под предводительством верных царю полемархов[12 - Спартанское войско управлялось царями и полемархами («военными предводителями»), составлявшими штаб войска при царе. Каждый из полемархов командовал морой. Спартанское войско], еще два дня назад также тайно вышла посуху из захваченных Афин в направлении Спарты через узкий перешеек под названием Истм. Сейчас она должна была достичь границ нейтральной Аркадии и вступить в нее, с тем чтобы еще через несколько дней быть на северной границе Спарты одновременно с тайным флотом царя, который подойдет к ее берегам с моря. Войско из трех тысяч спартанцев, по замыслу Леонида, было резервом и отвлекающим маневром одновременно. Основной удар по эфорам и стоявшему за них царю Леотихиду[13 - составляли шесть мор. Мора насчитывала около 500 воинов, делилась на четыре лоха, лох – на 2 пентекостерии, а те в свою очередь на 2 эномотии. Лохаг – командир лоха. Пентекостер, соответственно, командир пентекостерии. Эномотия это самое мелкое подразделение, в которое входили от 25 до 36 воинов, связанных взаимной клятвой. Предполагалось, что воины, связанные, кроме общей клятвы

верности отечеству, еще и клятвой внутри эномотии, с момента ее принесения считались «кровными братьями» и обязаны были помогать друг другу в любой ситуации. В Спартанской системе власти был не один царь, а сразу два равноправных царских рода, управлявших вместе с эфорами государством, Агиады и Еврипontiды. Царь Леонид принадлежал к роду Агиадов, царь Леотихид к роду Еврипontiдов. В городе Спарта цари жили не в одном месте, а в разных районах (деревнях) – Агиады в Питане, а Еврипontiды в Лимнах. Во время военных походов только один царь мог управлять войском, второй должен был оставаться на территории Спарты.] из дома Еврипontiдов Леонид задумал, впервые в истории Лакедемона, нанести именно с моря и взял его подготовку на себя.

– Времени у нас мало, – сообщил Гисандру на том же совете Леонид, где кроме них присутствовал только Эвривиад, некогда командовавший объединенным флотом союзников в битве против персов, а теперь вновь вернувшийся по решению царя к командованию наземными силами, – персы под командой Мардония удалились от Афин и зализывают раны, но не ушли из Греции. Они ослаблены, однако еще не оставили попыток пробиться сквозь дельфийские проходы. Через Геллеспонт к ним постоянно подходят подкрепления. И война вскоре продолжится с новой силой. А потому наш удар в сердце Спарты должен быть неожиданным, очень быстрым и смертельным для наших врагов. Второго шанса у нас не будет.

Царь ненадолго замолчал, подошел к выходу из шатра и откинул полог, бросив взгляд на море и видневшийся внизу под холмом полуразрушенный порт Пирей. Главный порт Афин еще кое-где дымился после битвы с персами и недавних пожаров, но уже быстро возвращался к жизни усилиями того же Гисандра. Спартанский наварх разместил здесь почти сотню своих кораблей, из числа захваченных у афинян, а также их команды, которые также были заняты на работах. Шатер царя Леонида располагался на одном из холмов, окаймлявших самую большую гавань. Всего же Пирей, находившийся на обширном полуострове, имел как минимум три гавани. Главной был сам Пирей с несколькими бухтами, которые дополняли гавани Мунихии и Зеи. Две последние служили в основном стоянками для военных кораблей. В центральной же, то есть большой гавани, могли стоять не только военные триеры, но и торговые суда.

«Место выбрано неплохо, – мысленно похвалил Гисандр завершивших не так давно это грандиозное строительство афинян, – отсюда удобно и торговать,

и воевать. Нам такой порт пригодится».

Между тем Леонид, посмотрев, как рабы восстанавливали поврежденную пристань для триер, скользнул взглядом по мощенной булыжником дороге, уходящей в сторону Афин, и, развернувшись, шагнул обратно к центру шатра. Гисандр не без удовольствия заметил, что, имея теперь в своем распоряжении все общественные здания и шикарные особняки захваченных Афин, Леонид все же предпочитал спартанский образ жизни роскоши местных правителей и тем более не стал уподобляться Ксерксу, царю царей, просто тонувшему в роскоши. Хотя имел к тому все возможности.

«Все-таки спартанцы есть спартанцы, – ухмыльнулся Гисандр, отворачиваясь в сторону, чтобы Леонид не счел это за насмешку, – в чем-то наш предок Ликург был прав, когда вводил законы против роскоши. И в новой жизни мы это, как исключение, возможно, оставим. Но время его остальных замшелых законов ушло. Пора вводить новые».

– Ты отплываешь вместе со мной, Гисандр, – вывел его из задумчивости властный голос царя, обратившего взор к карте Афин и прилегавших морских просторов, искусно выжженной на куске тонкой кожи. Эта карта лежала сейчас на небольшом белом столике с золочеными ножками. Единственном атрибуте роскоши, который Леонид позволил себе иметь в своей походной обстановке, да и то только потому, что ни одного другого стола поблизости не нашлось. Вся остальная мебель сгорела, а этот столик чудом уцелел.

– Мы возьмем с собой сорок кораблей, незаметно покинем Афины, обогнем Арголиду... – палец царя уверенно чертил невидимую линию морского пути, который им предстояло преодолеть за пару дней. – ...Затем ночью разделимся в море на два отряда и нападём сразу на два города вот здесь.

Гисандр проследил за указующим перстом Леонида и увидел, как тот отчетливо ткнул в точки под названием Тирос и Кифанта.

– Я атакую Тирос, на рассвете захвачу его и казню всех, кто не подчинится. Затем, соединившись с армией из периеков, собранной доверенными людьми, которая будет ждать сигнала в моем темене...

«Так вот почему именно Тирос, – поймал себя на мысли Гисандр, – точно, ведь у царя там обширные владения. В них можно, не возбуждая подозрений, без труда спрятать большой отряд или даже небольшую армию до нужного срока. А оттуда до Тироса пара шагов. Ловко придумано».

– ...быстрым маршем двинусь...

– На Спарту? – позволил себе перебить царя Гисандр.

– Нет, – простил ему дерзость Леонид, списав ее на обычную горячность спартанцев, с которой они бросались в любую схватку, – в Спарте нас будет ждать ожесточенное сопротивление, ведь Леотихид вскоре узнает о нашем приближении. Как бы мы ни старались скрыть его, после нападения на побережье, не пройдет и дня, как он узнает о нас. Поэтому сначала нужно обеспечить себе надежный тыл и захватить большую часть побережья, куда при необходимости можно подтянуть подкрепления из Афин.

Царь встретился взглядом с навархом, помолчал мгновение, затем продолжил объяснять свой план нападения.

– Поэтому, захватив Тирос, я двинусь в сторону Прасий, к которым ты подойдешь вскоре с другой стороны, захватив прежде Кифанту.

– Значит, я должен атаковать Кифанту? – не то удивился, не то обрадовался Гисандр, хорошо знавший эти края. Ведь именно в этом городе с помощью отца-геронта он нашел некогда мастеров, которые создали знаменитые баллисты. Сейчас ими были вооружены уже многие корабли спартанцев. В Кифанте также имелся арсенал с оружием и склады белого льна[14 - Белый лен – так греки называли волокно произраставшего в Испании растения под названием спартия (*Spatium junceum*), т. е. коноплю, из которой плели канаты карфагеняне.], из которого местные мастера-периеки искусно плели канаты, научившись у финикийцев. «Лучшего места для будущей стоянки флота и не найти», – почему-то сразу решил наварх, хотя вдоль побережья Спарты имелись и другие гавани.

– Да, если мы захватим Тирос, Прасии и Кифанту, это будет довольно внушительный кусок побережья с тремя городами, которого вполне достаточно для того, чтобы укрепиться и обеспечить себе тыл, на случай если нападение

все же затянется.

Леонид слегка нахмурился, скрестив руки на груди. Его доспехи тускло поблескивали отраженным светом, едва пробивавшимся сквозь плотную ткань шатра.

– Но оно не должно затянуться, – проговорил он после недолгого молчания. – Жребий брошен. Если мы атакуем решительно, то удача будет на нашей стороне. Я уже разослал послания во все концы Лакедемона. Заговор растет. Верные мне люди уже ведут разговоры с теми, кто еще колеблется в Апелле и Герусии[15 - Герусия – в Древней Греции совет старейшин. Рассматривал важные государственные дела, подлежащие затем обсуждению в народном собрании (Апелле). В Спарте Герусия состояла из 30 человек (28 геронтов и 2 царей), избиравшихся пожизненно. Геронтом мог стать уважаемый гражданин Спарты в возрасте не моложе 60 лет.], а также в городах на побережье и в глубине Спарты. К нам может примкнуть много людей, после того как мы вступим на берег и объявим свою волю. Не только граждан, но и периеков, которым я пообещаю больше свободы после нашей победы.

Леонид обернулся в сторону молчавшего до сей поры Эвривиада.

– Эфоры ждут тебя с последними новостями?

– Да, мой царь, – кивнул рослый бородатый боец с громоподобным голосом.

– Возьми самый быстрый корабль и отправляйся немедленно, Эвривиад, – царь положил ему руку на плечо. – Успокой их. А сам заверши подготовку мятежа в столице, который ты начал давно, как мы с тобой и обсуждали. Ты возглавишь его лично. К нашему прибытию все должно быть готово.

– Уже все готово, мой царь, – заявил Эвривиад, самодовольно усмехнувшись и скользнув взглядом по стенам шатра. – Две моры гоплитов, в лагере у Амикл, только и ждут приказа, чтобы войти в Спарту, схватить эфоров и тех геронтов, что не примкнули к нам. Мне осталось лишь прибыть в город, убедить эфоров в наших успехах на землях Аттики и ждать твоей высадки на побережье, чтобы лично возглавить мятеж в самом сердце Спарты. Мы поразим их одним ударом.

– Не забудь, – напомнил царь, слегка понизив голос, – что перед началом восстания в Спарте ты должен под любым предлогом вывести мою жену в условленное место, где она будет ждать развязки.

– Не беспокойся, мой царь, – кивнул спартанский полемарх, слегка наклонив голову, – Горго никогда не станет заложницей Леотихида.

Царь и Эвривиад вновь встретились глазами.

– Леотихид тоже неглуп, – вдруг произнес царь, в голосе которого неожиданно послышалось сомнение, заставившее Гисандра оторваться от созерцания побережья у Кифанты, которую ему предстояло захватить. – В Эпидавр-Лимерах, Гелосе и Селлассиях стоят гарнизоны, которые преданы ему больше, чем мне. Если они вступят в сражение на стороне Леотихида и будут у Спарты раньше, чем я...

– Зато на северной границе, в Белмине и Пеллане, гарнизоны почти полностью на нашей стороне, – попытался успокоить его Эвривиад. – Кроме того, оттуда через Аркадию подойдет еще одна армия.

– Я бы не был так уверен насчет Пелланы, – вставил слово Гисандр, услышав знакомое название и вспомнив о Деметрии и его покровителях, – я сам служил на северной границе в Пеллане, там много людей, преданных Евприпонтидам. Хотя большую часть, включая меня, уже давно оттуда отправили воевать в Дельфы...

– Вот именно, – кивнул Эвривиад – а за оставшихся я ручаюсь головой. Полемарх Леонт, который уже вернулся в Лакедемон с частью своей моры, – твой верный слуга. А кроме того, опасаться стоит только гарнизона в Селлассиях, поскольку он ближе всех к Спарте и находится на полпути между ней и побережьем. Но если мы решим быстро дело в самой Спарте, а вам будет сопутствовать успех в нападении на прибрежные города, то мы сами нападём на Селлассии с двух сторон и уничтожим весь гарнизон. Или же вы придёте к нам на помощь. Гелос находится дальше от столицы, чем Селлассии, а Эпидавр-Лимеры на побережье, вообще в шести днях пути.

– Но не так уж далеко от Кифанты, около двух-трех дней, – в задумчивости произнес царь, вновь глядя на карту. В случае непредвиденных осложнений

постепенно вырисовывалась масштабная операция сразу на нескольких фронтах, чего Леонид очень хотел избежать. – И если гарнизон Эпидавр-Лимеры выступит на стороне Леотихида, то сможет вмешаться в осаду Кифанты даже быстрее, чем прибыть в Спарту. Впрочем, я уверен, этого не произойдет. А Гисандр выполнит свою задачу быстро, как и все мы, не оставив врагу и единого шанса на успех. Иного пути у нас нет.

Гисандр уверенно кивнул в подтверждение слов царя. В то же время, слушая уверения Эвривиада в верности Леонта, командира той самой моры, в которой ему довелось начать службу, он испытывал сильные сомнения. Насколько помнил Гисандр, полемарх Леонт был спартанцем старой закалки и не очень одобрял его затею с баллистами в битве у Теплых Врат[16 - Фермопилы – по-гречески означает «Теплые врата». Это связано с обилием горячих серных источников, бьющих в окрестностях скального прохода.]. А ссоры с Деметрием пресекал только потому, что был вынужден действовать в присутствии Леонида не только как воин, но и как политик. По рангу полагалось. Ведь сам царь откровенно покровительствовал работам Гисандра, что же ему оставалось делать. Но что случится, когда начнется гражданская война и все будут вынуждены делать свой выбор?

В том, что умудренный опытом полемарх Леонт, прошедший множество сражений, оставшийся в живых и до сих пор воевавший плечом к плечу с Леонидом, поддержит именно его, замахнувшегося на смену старого строя, у наварха были большие сомнения. Ведь Леонид был бесстрашным первопроходцем и любил все новое, шел против воли эфоров и традиций, был готов даже погибнуть за это. В случае победы восстания мятежного царя, Спарту и, может быть, даже весь греческий мир ждали большие изменения, если не сказать потрясения. И все это означало смерть того, что так любил полемарх Леонт – вековых традиций и законов Ликурга. Неизменности течения жизни и смерти в Спарте.

«Вряд ли он встанет на сторону восставшего царя, – думал Гисандр, рассеянно слушая разговор Эвривиада с Леонидом, обсуждавших детали мятежа в самой Спарте и ее окрестностях, – скорее, стоит ждать его предательства. Леонт вполне может переметнуться к Леотихиду, который для него олицетворяет древние традиции Спарты. Главное, не пропустить этот момент и не дать ему воткнуть нам нож в спину. Мятеж – дело тонкое. Если в нужный момент чаша весов качнется не в ту сторону, можно и проиграть. Впрочем, надо гнать от себя такие мысли, иначе и правда проиграем. А это нам не нужно. Только вперед,

обратного пути нет. А про полемарха я шепну пару слов Леониду. Потом, когда выйдем в море. Чтобы этот красноречивый демагог Эвривиад не мешал мне своими речами».

– Как только мы захватим Спарту, наши враги сдадутся, – пылко уверял Эвривиад.

– Да, если захватить ее, дело будет решено, – согласился царь, – даже если кто-то уцелеет или сбежит от нас на окраины спартанских земель, он уже не сможет помешать мне.

– Позволь спросить, мой царь, – вдруг, неожиданно для себя, вновь вступил в разговор Гисандр. – А что ты сделаешь с эфорами после победы? Отправишь в ссылку или казнишь?

Леонид, немного удивленный таким дерзким вопросом, все же простил его своему любимцу.

– Законы Ликурга отжили свое, Гисандр, – произнес он, впери в собеседника тяжелый взгляд, не предвещавший ничего хорошего тем, о ком шла речь, – и эфоры тоже. Спарте нужна новая власть и новые законы. Я дам ей все это.

Глава третья

Кифанта

Когда первый отряд личной армии Гисандра вступил на дорогу, что, петляя меж холмов, вела в близкую Кифанту, солнце уже показалось над морем. Предрассветные сумерки, до того еще как-то скрывавшие передвижения посланцев Леонида, закончились.

– Шевелитесь, лентяи! – подгонял своих солдат наварх, передвигавшийся во главе колонны со щитом и копьем в руках. – Мы должны взять этот город спящим.

«Если, конечно, успеем, – подумал он про себя, пристально всматриваясь в изгибы дороги, поросшие невысокими деревцами и кустарником, но вслух делиться с солдатами сомнениями не стал. – Мы довольно быстро управились на побережье, но сейчас не заметить наши корабли может только слепой. Наверняка уже кто-нибудь донес старейшинам. И, если они первыми не сбежали из Кифанты, получив такое известие, стоит ожидать сопротивления».

Гисандр поднял голову в надвинутом на лоб шлеме с красным гребнем и скользнул взглядом по окрестным холмам, казавшимся пустынными в этот рассветный час. Затем его взгляд поднялся на самую вершину холма, тонувшую в тени от кипарисов.

«Хотя это город периеков, – подумал наварх, переставляя ноги в кожаных сандалиях по каменистой дороге, – а они не так быстры. Так что шанс еще есть».

Свою армию Тарас разделил на три части. Почти половину, шесть сотен бойцов, взял с собой на штурм города. Благо расстояние от порта до центральных городских кварталов, где находились общественные здания и собирались старейшины, было невелико. Несколько домов с портиками и колоннами, в окружении кипарисов, были видны даже отсюда. Нападавшим нужно было лишь подняться на высокий холм, венчавший оконечность протяженного мыса. Дорога некоторое время петляла по равнине меж зарослей, а затем начинался короткий и резкий подъем. Кифанта занимала всю верхнюю часть холма, а кое-где дома горожан, облепившие склоны, даже спускались к самой воде. На окраинах по большей части теснились амбары и склады, вперемешку с лужайками, где сейчас мирно паслись козы. Потревоженные животные с испугом взирали на людей, проходивших мимо в такую рань.

Среди шести сотен солдат из атакующей фаланги было почти двести бойцов, еще недавно воевавших на стороне Афин. После захвата их города Леонидом и убийства Фемистокла, те, кто остался в живых, либо разбежались, либо присягнули спартамцам на верность. Выбор у них был небольшой. Разве что еще переметнуться к персам, но там их не ждало ничего хорошего. Ведь Ксеркс пришел мстить именно афинянам за поражение своего отца при Марафоне. Гисандр не очень доверял своим новым солдатам, а потому взял их с собой, чтобы проверить в деле, первыми отправив в бой. Однако перед самым началом атаки передумал и переместил их в конец своей колонны.

Позади них, между портом и Кифантой, на всякий случай поставил заслон – еще триста человек. Но уже своих, проверенных бойцов, которые могли отразить внезапное нападение противника на корабли, если такое случится. Командовать заслоном и обороной порта он поручил Эгору, одному из своих верных боевых товарищей, с которым прошел уже много сражений, начиная еще с тех времен, когда сам был молодым спартанским волчонком.

В порту, присмотреть за триерами, наварх решил оставить полторы сотни морпехов из бывших пиратов с Итаки, под командой того же Эгора. Все-таки ровный строй на суше эти вояки держали с большим трудом, как и соблюдали спартанскую дисциплину. От них было гораздо больше толка на море, в родной стихии.

И, наконец, еще две сотни спартанцев из самых проворных командир армии вторжения направил вдоль берегов в обход Кифанты. С приказом обойти город с двух сторон, соединиться и отрезать дорогу, что вела из него в глубь материка. Чтобы никто не узнал о том, что здесь происходит, пока все не будет закончено. Мало ли что. Конечно, о нападении все равно узнают. Но царь Леонид приказал до последнего стараться держать все в тайне. Именно внезапность гарантировала успех в самом начале его вторжения в Лакедемон.

Командовал этим отрядом разведчиков другой старый друг Гисандра по имени Архелон. Едва узнав о предстоящем вторжении, наварх запросил у царя Леонида побольше толковых командиров, которым он лично мог бы доверять. В таком предприятии один надежный друг стоил сотни незнакомых бойцов. И царь разрешил Гисандру взять с собой двух своих товарищей, которые также разделяли его взгляды на будущее Спарты.

– Стой! – взмахнул рукой Гисандр, едва они беспрепятственно достигли последнего поворота перед подъемом дороги, вдоль которого тянулись хлипкие заборы предместий, и прислушался. В этот час уже вполне можно было встретить на дороге одинокую скрипучую повозку, спешившую с грузом спозаранку в порт, или илотов из числа тех, что трудились там на разгрузке. Не говоря уже о мастерах и подмастерьях из арсенала. Из-за жары жители по всей Греции вставали рано. Но сейчас вокруг было удивительно тихо. Никто не спешил в порт. Лишь острый слух Гисандра, несмотря на приглушенный шум от сотен обутых в кожаные сандалии ног спартанских гоплитов, уловил впереди какие-то звуки, насторожившие его.

Голова колонны спартанцев уже показалась из-за кустарника, внезапно замерев на открытом месте по приказу наварха. Тишина нависла над дорогой. Лишь поднятая сандалиями пыль клубилась сейчас вокруг, оседая на траву. Впереди дорога резко шла вверх на холм. Это был абсолютно прямой участок длиной примерно в две стадии. Слева вдоль нее тянулась изгородь, за которой можно было разглядеть несколько землянок бедноты, на крышах которых мирно пощипывали траву козы. Справа, в четверти стадии от дороги, склон порос высоким кустарником, почти полностью перекрывавшим видимость в этом направлении. Хотя если присмотреться, то сквозь редкие разрывы этой зеленой стены можно было разглядеть вдалеке дома зажиточных периеков. Где-то там, чуть повыше, и находился центр города.

В напряженной тишине Гисандр вдруг услышал стук падающего камешка, который скатился по склону из-под чьей-то подошвы.

– Засада, – крикнул Гисандр, – поднять щиты!

Едва он это сказал, как сразу несколько десятков копий взметнулось в небо из-за кустарника, росшего справа по ходу движения спартиатов. Пущены они были вполне профессионально и, долетев до шеренги остановившихся спартанцев, поразили многих. Несмотря на предупреждение, не все солдаты успели выполнить команду. За спиной наварха послышались стоны. А когда за первой волной копий прилетели вторая и третья, забарабанив по щитам и поразив-таки еще с десятков воинов, Гисандр не стал больше ждать. Стоять на месте означало верную смерть.

Вскинув копье, он прокричал:

– Спартанцы, за мной! За царя Леонида! В атаку!

И первым начал карабкаться вверх по склону в направлении кустарников. Остальные воины устремились за ним, стараясь держать строй и прикрывать друг друга щитами с изображением огромной буквы «Л»[17 - Символом Спарты, изображаемым на щитах ее воинов, была греческая буква – «Л» (Лямбда), – которая означала первую букву исконного названия страны Лакодемон (Лаконика)]. Когда третья волна дротиков забарабанила по щитам, Гисандр, отбивший один из них на лету, был уже почти у подножия зеленой линии кустов и невысоких деревьев. В этот момент обстрел прекратился и прямо на него из

«зеленки» выскочило несколько гоплитов в полном боевом облачении, как две капли воды походивших на него самого. Вслед за ними навстречу атакующим посыпались еще десятки таких же солдат, с копьями и щитами, украшенными все той же буквой «Л». Две лавины в красных плащах должны были вот-вот схлестнуться.

«Спартанцы, – окинув взглядом несшихся прямо на него воинов, сразу понял Гисандр. – На этот раз бой будет трудным. Да еще все в одинаковых доспехах. Как бы своих не перебить».

Но рассуждать уже было поздно, и потому он вступил в бой, успев только крикнуть своим:

– Держать строй!

Шеренга за ним сомкнулась, оцетинившись копьями, и приняла на себя первый удар гоплитов Кифанты, насадив на свои острия не менее тридцати человек за один раз. С обеих сторон раздался треск ломаемых копий, и в ход пошли мечи. Но удар нападавших был настолько мощным, что развалил строй морпехов Гисандра сразу в нескольких местах. Бой на склоне, особенно в первых рядах, сразу же превратился из позиционного наступления в дикую мясорубку. Вокруг наварха начался дикий танец смерти, слетавший с клинков и копий сражавшихся друг с другом спартанцев. Сколько всего бойцов контратаковало их из укрытия, было не ясно, однако они продолжали прибывать. Здесь уже сражалось не меньше пары сотен воинов Кифанты, как показалось наварху, ожесточенно работавшему копьем.

– Ну, пошла свистопляска, – сплюнул Гисандр, когда рядом с ним упало замертво несколько бойцов царя Леонида, а сам он резким выпадом сломал свое копье о панцирь ринувшегося на него гоплита Кифанты. Копье Гисандра с треском пробило доспех, отправив защитника Кифанты на встречу с богами, но затем переломилось, и наконечник остался в теле убитого. Наварх хотел отбросить ненужное древко, мгновенно превратившееся в палку, и выхватить клинок, но не успел. Совсем рядом оказался другой воин, вознамерившийся убить его взмахом меча. Гисандр понял, что не успеет выхватить свой меч, и потому просто ткнул обрубком копья в лицо нападавшему. И его удар достиг цели – обломок палки вошел в рот гоплита и вышел из разорванной щеки вместе с фонтаном крови. С диким воплем тот выронил меч, отшатнувшись. Этого мгновения наварху хватило, чтобы выхватить свой меч и добить раненого бойца, избавив от

мучений.

Отбивая следующий удар, Гисандр уже находился во всеоружии. На этот раз на него набросилось сразу два гоплита из Кифанты, хотя с виду их было никак не отличить от своих собственных воинов. Сейчас действовал один-единственный закон битвы – кто нападает, тот и враг. Но, бешено вращая клинком, Гисандр вновь подумал о том, что в этой гражданской войне по случайности может погибнуть масса сторонников царя Леонида, если не придумать для них какой-то отличительный знак, по которому можно будет различать в ближнем бою, «свой» это спартанец или «чужой». Впрочем, двое нападавших гоплитов «Кифанты» не давали ему спокойно додумать эту мысль до конца.

Первый из нападавших еще был вооружен копьем и находился на несколько шагов выше по склону, пытаясь поразить очередным метким выпадом своего противника в шею, грудь или голову. Но Гисандр до сих пор ловко отбивал его копье, сначала щитом, а затем и клинком, уводя острие в сторону от своей головы. Лишь единожды копье гоплита все же смогло задеть край его шлема и даже срезать часть плюмажа, когда Гисандр отвлекся на выпады второго нападавшего.

Тот стоял ближе и орудовал мечом, в свою очередь стараясь умертвить наварха метким ударом в грудь или живот. Оба нападавших гоплита были со щитами. И оба, это было видно сразу, свое дело знали хорошо. Не чета периекам. За спиной наварха шла жаркая драка, отступить было некуда. Любой другой спартанец на месте Гисандра был бы обречен. Но наварх, кроме спартанских приемов боя, был обучен и другим, которым в Спарте не учили.

– Пора с вами кончать, – пробормотал себе под нос Гисандр, начиная уставать от бесконечных ударов, – что-то задержался я тут.

Сначала требовалось достать того, кто был ближе, так как его выпады все же были опаснее. Противник как раз решил перейти к активным действиям, что совпало с планами Гисандра. Гоплит из Кифанты шагнул вперед, выставив колено, и нанес мощный удар в грудь наварха. Отведя этот удар меча в сторону своим клинком, Гисандр в ответ не стал рубить его, а ударил противника подошвой сандалии сверху по коленке, в которой что-то громко хрустнуло. Гоплит застонал от боли, покачнувшись, однако пока стоял на ногах, лишь отвел чуть в сторону руку со щитом, прикрывавшим тело. Этого хватило, чтобы Гисандр нанес другой ногой с размаха удар в пах, надолго выключивший этого

воина из боя. Гоплит выронил щит и рухнул под ноги Гисандру. Он все еще сжимал в руке меч, но задыхался от боли, уже не обращая внимания на противника. Гисандру оставалось только добить распластавшегося перед ним врага, но сделать это сразу наварху не удалось.

Удар копья едва не лишил его жизни. К счастью, Гисандр ждал его каждое мгновение и потому был готов. Он присел, пропуская копье над собой. Острие второй раз царапнуло по шлему, вновь вырывая клочок из плюмажа.

– Ах ты, сволочь, – не выдержал Гисандр, резко распрямляясь, – как же ты мне надоел. Опять шлем подпортил.

Как ни быстро его противник орудовал копьем, а в этот раз он не успел его убрать назад. Разъяренный спартанский наварх рубанул мечом и отсек острие от древка, превратив его в обычную палку.

Затем, пока обезоруженный гоплит отбрасывал ненужное теперь древко и вытаскивал меч, сам бросился в атаку. Не теряя ни мгновения, он рубанул стоявшего выше на склоне противника по ногам, и его удар достиг цели. Несмотря на поножи, Гисандру удалось поранить ему правую ногу, едва не разрубив пополам. Кровь заструилась по лодыжке и рассеченным завязкам кожаных сандалий защитника Кифанты на траву. А раненый гоплит, вложив всю силу в удар сверху вниз, попытался отомстить своему обидчику, отрубив ему левую руку или хотя бы разворотив доспех на плече. Но Гисандр был готов. Он прыгнул вперед, приняв удар на щит, а сам молниеносно вонзил клинок в грудь гоплита, раскрывшегося во время мощного, но не достигшего цели удара. Острие с треском вспорол кожаный доспех, а Гисандр, оказавшись лицом к лицу со своим врагом, успел заметить, как потух последний огонек жизни в его глазах.

– Отправляйся в царство Аида, – напутствовал его наварх, выдергивая меч из груди.

Мертвый гоплит Кифанты рухнул на траву, оказавшись рядом с первым противником наварха. Тот уже немного пришел в себя и даже пытался встать, опираясь на колено здоровой ноги. Но не успел.

– А ты куда собрался? – издевательски поинтересовался наварх, делая шаг вниз по склону и мгновенно отводя руку назад для нового удара. – Тебе тоже пора вслед за своим товарищем. В царство Аида.

Гоплит успел все же поднять голову и посмотреть в лицо Гисандру. На мгновение, пока летел клинок, их взгляды встретились. Это был довольно молодой бородатый спартанец, смело смотревший в лицо своей смерти. Он даже успел усмехнуться, когда Гисандр хлестким движением с разворота вспорол ему горло. Но в этот момент он уже не улыбался. Он харкнул кровью, которая со свистящим звуком брызнула сквозь отверстие в шее, и рухнул под ноги наварху. Мойры[18 - Мойры – богини человеческой судьбы. Слово «мойра» по-гречески обозначает «доля», «часть», что символизирует участь, которую при рождении получает человек. Греки изображали их в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – прядущих нити судьбы.] оборвали нить его жизни.

Расправившись, наконец, с двумя гоплитами Кифанты, Гисандр едва успел перевести дух в самой гуще сражения, бушевавшего по всему склону. Но не успел еще толком осмотреться, как перед ним вырос следующий противник. Это был рослый гоплит с копьем руке, но уже без щита. Видно, потерял его в предыдущей схватке. Он сделал резкий выпад и с первого раза смог задеть доспех на плече наварха, вспоров его. К счастью, этот удар копья лишь оцарапал кожу Гисандра. Но этого оказалось достаточно, чтобы новая вспышка ярости охватила командира спартанцев.

Гисандр отбросил свой щит и железными пальцами схватился за древко копья, не давая тому вернуться на исходную позицию. Резким ударом клинка он повторил свой прием, обрубив древко посередине. А затем вновь схватил обрубок, чуть подтащил к себе противника и новым ударом отсек пальцы, сжимавшие это древко на другом конце. Обломок копья и несколько отрубленных пальцев под сдавленными стоны – Гисандр должен был признать, что этот спартанец оказался терпимее к боли, чем предыдущие, – упали на траву. Но Гисандр еще не утолил свою ярость. Он наступил на отрубленные пальцы и ударом сверху вниз рассек безоружному спартанцу бедро и промежность, а затем уже коротким прямым ударом в незащищенное горло отправил на встречу с богами.

Мертвый копейщик еще не успел упасть, как перед Гисандром слева вырос еще один воин с мечом. Наварх едва увернулся от разящего удара, который окончательно сорвал его наплечник, и, не затягивая схватку, вонзил клинок

ответным ударом в пах гоплиту Кифанты. Сила удара была столь велика, что клинок пробил прикрывавший живот доспех и проник в тело, рассекая кишки. Гримаса мучительной боли исказила его лицо. Гоплит согнулся и рухнул под ноги наварху, который уже не обращал на него внимания, поскольку ему в лицо летел новый удар. Гисандр едва отбил его, увернулся от другого и нанес свой, прыгнув вверх по склону. Вокруг шла настоящая свистопляска, бой был таким жарким, что Гисандр порой не успевал следить, со сколькими противниками он бьется одновременно, отбивая и возвращая удары без счета.

Наконец, перескочив через груды мертвых тел, он увидел впереди просвет. Закричав: «За мной, спартанцы!», наварх первым бросился туда, увлекая бойцов, что были рядом. Пробежав несколько шагов, Гисандр вновь оказался в самой гуще сражения. Он бился отчаянно, заметив, что уже почти достиг вершины холма, поросшей кустами, на котором воины Кифанты устроили засаду. По пути он успел сразиться еще с пятерыми, щедро награждая их хлесткими ударами. Наварх без устали, почти непрерывно, размахивал мечом и убивал всех, кто только пытался приблизиться к нему. И откуда только силы взялись. Наконец, вокруг него на мгновение образовалось пустое пространство, обрамленное мертвецами, которых он только что отправил в царство Аида. Гисандр даже позволил себе опустить меч, чтобы передохнуть. Но почти сразу вслед за этим из-за куста выскочил воин с мечом в руке и шагнул к наварху.

Гисандр отреагировал мгновенно, вскинув руку, и поразил того одним смертельным ударом в лицо. Пока его меч летел, выброшенный рукой, словно пружиной, Гисандра на мгновение охватило странное чувство, похожее на сожаление, которое он не мог себе объяснить. Раньше с ним такого не бывало. Ему показалось странным, что гоплит не защищался от его удара. Даже наоборот, шагнул навстречу, словно хотел не убить, а что-то сказать. И когда тот рухнул замертво, с изуродованным лицом, прямо под ноги наварху, позади него раздался голос.

– Гисандр, – крикнул ему кто-то из пентекостеров, оказавшихся рядом, – это был гоплит из моего отряда.

– О боги! – понял свою ошибку наварх.

Он испытал горькое сожаление, но быстро пришел в себя. Расслабляться было еще рано, а впадать в истерику от вида смерти, пусть и случайной, спартанцы не привыкли.

– Что встали? – приказал он оказавшимся рядом бойцам, которые с удивлением взирали на мертвого товарища. – Очистить холм от неприятеля!

Пропустив на этот раз вперед человек тридцать бойцов, устремившихся сквозь проходы в кустах на вершину холма, Гисандр остался на месте. Покончив со своими противниками, наварх, наконец, осмотрелся и перевел дух. Отсюда было видно почти все: и вершина холма, на которой он стоял, и склон, и дорога, что вела наверх в Кифанту.

Жаркий бой на склоне холма стихал. Почти все нападавшие были уничтожены, а новых подкреплений из Кифанты не подходило. «Линия фронта» спрямилась. Основным удар неприятеля, заставивший еще недавно прогнуться внутрь строй бойцов Гисандра, был отбит. И гоплиты царя Леонида перешли в наступление.

Очень скоро вся вершина холма была зачищена, и к наварху вернулся с докладом командир пентекостерии. Оказалось, что никаких войск здесь больше нет. Десятку бойцов противника удалось избежать неминуемой смерти, разбежавшись по заросшему кустарником склону. Сейчас они карабкались по нему вверх, более не помышляя о нападении. Никто уже не атаковал отряды спартанского наварха.

– Мы победили, – закончил доклад довольный собой пентекостер, решив, что принес наварху счастливую весть.

Но задумчивый и невеселый вид Гисандра заставил его замолчать.

– Никого больше? – переспросил тот, едва услышав доклад. А затем умолк, размышляя о чем-то.

«Похоже, это был удар отчаяния, – решил Гисандр, осматривая поле боя, оставшееся за ним, – или отвлекающий маневр, заранее обрекавший малочисленный отряд солдат Кифанты на смерть. Их здесь было человек двести, не более. Возможно, остальные войска, если в этом городке вообще еще кто-то остался, сейчас пытаются пробить себе выход на дорогу, чтобы покинуть город вместе с мудрыми старейшинами. Они-то сразу поняли, рассмотрев на рассвете наш флот, что иметь дело с такими силами, не важно кто они и откуда, будет себе дороже. И решили сбежать, пока есть возможность – это же переищи!».

Наварх еще раз попытался осмотреть склоны большого холма, чтобы увидеть, что происходит на его вершине, но растительность вокруг не давала это сделать в полной мере.

Тогда он приказал своим гоплитам:

– Беглецов не преследовать. Пусть несут весь о своем поражении и сеют панику. Возвращаемся на дорогу и продолжаем путь наверх. Город почти наш.

А про себя подумал: «Если мои предположения верны, надеюсь, Архелону хватит сил, чтобы закупорить это бутылочное горло и продержаться до моего подхода».

Глава четвертая

Подарок судьбы

Спустившись с вершины холма, зачищенной от солдат противника, воины Гисандра вновь построились на дороге в походную колонну. Прежде чем двинуться в гору, чтобы довершить разгром противника, Гисандр снял шлем, вытер пот со лба и выслушал доклады командиров четырех лохов[19 - Лох – подразделение спартанской армии, насчитывал около 125 человек. (Мора – более крупное соединение – насчитывала около 500, иногда 600 воинов. Делилась на четыре лоха). Сам лох также подразделялся на более мелкие соединения – 2 пентекостерии. А те, в свою очередь, на 2 эномотии.]. Он хотел уточнить потери. По всему было видно, что сражались они не с периеками. А напавшие на них спартанские гоплиты Кифанты дорого отдали свои жизни. В первой схватке посланец царя Леонида потерял убитыми чуть больше полусотни бойцов, при том что противник потерял почти две сотни, как он и предполагал. И все равно это были ощутимые потери для его малочисленной армии вторжения, где каждый солдат был на счету. Во всяком случае, пока восстание Леонида не охватило всю страну и в его армии не стали вливаться тысячи добровольцев. Но даже в этом случае десять периеков не заменят жизни одного обученного спартанца, прошедшего за много лет через систему воспитания «Агогэ», ковавшую железных воинов.

– Мертвых сложить под холмом, после битвы похоронить, – приказал наварх, выслушав доклады, и снова быстрым взглядом окинул поле боя. – Раненых отправить в порт.

– Раненых нет, – в один голос ответили ему все лохаги.

Теперь Гисандр также пристально всмотрелся в напряженные потные лица командиров, но уточнять не стал. Он знал спартанские нравы. Ни один спартанец не признает себя раненым, даже если он весь исколот копьями и иссечен клинками, но еще дышит, может стоять и держать в руках оружие. Он будет продолжать бой до тех пор, пока не истечет кровью от ран или не победит.

– Что же, – кивнул Гисандр, надевая на голову шлем с поврежденным гребнем, в который уже не единожды попадало вражеское копье, – тем лучше. Тогда идем дальше. Пора привести к покорности этот город, который осмелился огрызаться. И утопить в крови, если он отважится снова нам перечить.

Подхватив у одного из мертвецов копье и щит, наварх легким бегом направился вверх по свободной дороге, увлекая армию за собой. После первой схватки, в которой бывшие афинские гоплиты не принимали участия – до них просто не дошло, – Гисандр рискнул поставить их сразу за своей спиной.

На этот раз спартанцы беспрепятственно достигли вершины холма, за которым дорога становилась почти пологой и вела уже к ближайшим зданиям, похожим на небольшие амбары. До них оставалось не более двух стадий. Похоже, здесь все еще тянулись предместья. Но чуть дальше по дороге, справа и слева от нее, уже были видны те самые дома с портиками и колоннами, в окружении кипарисов, которые Гисандр разглядел от самого порта. Где-то среди них был и дом одного из местных периекских чиновников, обязанных оказывать гостеприимство, где они с отцом-геронтом останавливались в прошлый раз, прибыв сюда с инспекцией. Из него они тогда вдвоем и направились в местный арсенал по той самой дороге, по которой он сейчас шагал вместе со своей небольшой армией в обратном направлении.

«Интересная штука жизнь, – пронеслась в мозгу наварха неуместная мысль, – никогда не знаешь, как все повернется и чем закончится. Будет весело сейчас встретить того самого чиновника. Вот удивится».

Отогнав ненужные мысли, Гисандр чуть замедлил движение, покрепче перехватив копье и щит. Он внимательно осмотрел дорогу и прилегавшее к ней пространство. Зная приемы ведения войны и обороны в Лаконии, первый наварх Спарты почти не верил, что здесь их будет ждать новая фаланга из гоплитов. Слишком мал этот городок, чтобы содержать в нем столь внушительный гарнизон. Гисандр не без оснований полагал, что большую часть этого гарнизона, если не весь, он уже разбил. Даже такое количество нападавших, да еще чистокровных спартиатов, его удивило. Если и осталась здесь сотня солдат, то они либо спешат со старейшинами убраться отсюда подальше, либо это будут периеки. Второе более вероятно, так как спартанский комендант города скорее умрет в битве со своим малочисленным гарнизоном, чем отступит вместе с чиновниками, рискуя навлечь позор. Вполне возможно, что он уже умер в недавней схватке, и даже от руки самого Гисандра.

В любом случае вход в город на открытом, но не очень широком пространстве, где еще можно было выстроить последнюю оборонительную линию из солдат, им никто не преграждал. Более того, где-то в глубине, под сводами кипарисов, слышались отдаленные крики и метались неясные тени. Внимательно впитывавший все Гисандр уловил запах паники, уже охвативший город.

– Отлично, – проговорил он вслух, даже ухмыльнувшись, – мы не зря отпустили тех бойцов. Город уже наш.

И жестом приказал вступить в город. Впрочем, контратака еще была возможна. Сами воины Лакедемона часто практиковали ложные отступления. Поэтому колонна спартанцев вошла на главную улицу Кифанты стройными рядами, готовая к внезапному нападению. Город же, казалось, будто вымер или еще не просыпался в этот рассветный час. В последнее было невозможно поверить.

Гисандр вел своих солдат по пустынной улице к центральной площади Кифанты, на которой стоял лишь небольшой памятник Аполлону, а также еще несколько примечательных домов и сооружений, как водится, в строгом спартанском стиле, не терпевшем излишеств. Вокруг площади, у которой сходились все улицы небольшого городка, теснились дома местных чиновников, казарма для воинов, а также здание для ежедневных сессий спартанцев. Пройдя быстрым шагом половину города, спартанский наварх увидел лишь десяток простолюдинов, с испугом взиравших на прибывшую армию из своих землянок, – этим бежать было некуда, – да множество разбросанных вещей прямо на дороге и у домов. Похоже, бегство более зажиточных периеков, которым разрешалось

заниматься торговлей вместо спартиатов, почитавших это дело низким занятием, проходило очень быстро. Он еще слышал отдаленные крики в конце города. Гисандр был уверен, что все накопленное периеками имущество стоит нетронутым в домах, а запасы лежат в амбарах, и все это станет его военной добычей. А те, кто пытался сбежать из города, смогли унести с собой только свои жалкие жизни. Однако когда он первым свернул на площадь, то остановился в удивлении. Перегородив все пространство между казармой и зданием для сесситий, его ожидала еще одна фаланга гоплитов.

«Человек пятьдесят, – решил наварх, останавливаясь и чуть приподнимая щит, – и все – опять спартанцы. Куда же подевались периеки из этого города?»

Воины фаланги, завидев приближавшихся солдат, сомкнули щиты, выставив копья вперед.

– Стой, где стоишь! – раздался голос их предводителя, явно привыкший повелевать. – И назови себя, если ты спартанец!

– Меня зовут Гисандр, – спокойно ответил наварх, слегка возвысив голос, сделав знак своим воинам остановиться, – возможно, ты слышал обо мне. Сейчас я наварх спартанского флота и посланец царя Леонида. А кто ты?

Сотни бойцов замерли за спиной Гисандра, изготовившись к атаке этой кучки воинов, преградивших путь целой армии.

– Я Линос, гармост Кифанты, на которую ты осмелился напасть, – ответил ему невысокий коренастый боец с копьем и щитом, стоявший возле самого здания сесситий на правом фланге шеренги. – У Спарты, волей Ликурга, никогда не было флота. А царь Леонид сейчас в Афинах и нашел бы другой способ сообщить о своем прибытии в Лакедемон. Что тебе нужно в моем городе и зачем ты атаковал его как враг Спарты?

– Видишь ли, Линос, – снизошел до разговора с этим наглым спартанским командиром наварх, умевший ценить доблесть, – за прошедшие дни в судьбе Спарты кое-что изменилось. И, боюсь, бесповоротно. Отныне у нее есть флот. И теперь в ней более не действуют законы Ликурга и не отдают приказы эфоры. А Леонид будет единственным царем.

Гисандр замолчал ненадолго, давая командиру остатков гарнизона Кифанты осознать услышанное. Не каждый день в одно мгновение рушится привычный тебе мир.

– Так что это уже не твой город, – продолжил он, прервав короткое молчание, – и сейчас тебе придется сделать выбор, кому ты служишь: Леониду, который даст тебе новую жизнь, или царю Леотихиду с эфорами. Выбирай, но прежде крепко подумай. Кровавопролития можно избежать, если принять нужную сторону. Если ты согласен воевать за Леонида, я приму тебя с распростертыми объятиями. Если нет, ты умрешь. В конце концов, это город периеков. Так стоит ли за них умирать?

Молчание длилось не долго.

– Мой царь Леотихид. А законы Ликурга незыблемы. И Аполлон тому свидетель.

– Что ж, – кивнул Гисандр, – ты сделал свой выбор.

И, размахнувшись, метнул копье в командира гарнизона Кифанты. Тот успел среагировать и выставил щит, но бросок наварха был столь мощным и метким, что копье пробило щит и поразило Линоса в грудь повыше сердца. Спартанец отбросил ненужный щит, и стало видно, как из его груди, сквозь поврежденный доспех, толчками вытекает кровь. Рана была глубокой и смертельной. Понял это и сам Линос, а потому, перехватив покрепче копье, метнул его в Гисандра. Но рана дала о себе знать, ответный бросок вышел слабым. Наварх легко отбил летящее копье в сторону. Тогда Линос выхватил меч и без щита бросился в свою последнюю атаку на врага, увлекая за собой горстку воинов.

– Так умирают настоящие спартанцы, – пробормотал Гисандр, и сам бросился навстречу Линосу с мечом в руке.

Они схлестнулись первыми, и схватка вышла короткой. Гисандр принял на щит мощный удар Линоса и нанес ответный скользящий, распоров доспехи на ребрах. Кровь заструилась еще сильнее. Эта боль и отчаяние придали сил умирающему Линосу. Он вскинул свой меч, чтобы обрушить его на голову наварха, но не успел опустить. Гисандр резким движением вонзил свой клинок в брешь на груди Линоса, сделанную чуть раньше в доспехах его же копьем, и вторым нажатием расширил ее. Острие меча вошло в тело спартанца, как

в масло, с одной стороны и вышло из спины. Тот замер, выронил клинок и завалился назад. Под ним сразу же образовалась лужа крови.

– Добить остальных! – приказал наварх бывшим афинским гоплитам, стоявшим за его спиной. И те бросились вперед на оставшихся защитников Кифанты. Завязалась неравная кровавая схватка, которая стоила наварху еще почти трех десятков воинов. Спартиаты, стоявшие за эфоров и Леотихида, дрались отчаянно. Впрочем, как рассудил Гисандр, это кровопускание было даже полезно. С одной стороны, афиняне прошли боевое крещение под его началом и показали себя хорошими бойцами, которые выполняют все его приказы. С другой, все погибшие с его стороны тоже были из бывшего афинского отряда, а значит, он сохранил спартанские жизни и ему легче будет держать ответ перед царем.

Когда короткое сражение на центральной площади Кифанты закончилось, вся она была усеяна мертвыми телами в красных плащах. Взирая на все это, даже Гисандр, давно привыкший к виду крови и запаху смерти, ловил себя на странном ощущении дикости происходящего. На его глазах спартанцы дрались на смерть не с персами, а с такими же спартанцами, как они сами. Перед глазами вдруг всплыло лицо того молодого спартиата, которого он убил совсем недавно по ошибке. Тело его даже еще не остыло. Какой-то ком подкатил к горлу закаленного в боях наварха. И Гисандр впервые в жизни ощутил, что такое гражданская война. Она показалась ему вдруг нелепой и страшной. Эта война несла раскол в древнее общество, жившее по патриархальным законам. А ведь она только началась, и многим еще предстояло умереть. Брат на брата. Сын против отца. Спарта скоро утонет в крови ради благих целей. Но пути назад уже не было.

– Аполлон получил достойную жертву, – проговорил наварх, подняв глаза на статую жестокого бога спартанцев, молча взиравшего на сражение, – а нам пора двигаться дальше.

Затем он отогнал от себя назойливые мысли и подозвал одного из лохагов.

– Актеон, возьми людей, обыщи все окрестные дома и приведи мне всех чиновников, кого найдешь. Если они еще здесь остались.

Командир первого лоха кивнул и отправился выполнять приказание.

– А ты, – подозвал он к себе командира второго, – возьми сотню и пройдишь по окраинам. Сгони сюда на площадь всех людей, которые еще не сбежали. Пора сообщить им, что настала новая жизнь.

Остальным двум лохагам Гисандр приказал дожидаться новых приказов, перекрыв все близлежащие улицы и стоя в боевом порядке. Небольшой части воинов под командой пентекостера велел прибраться на площади, оттащив с нее в сторону трупы защитников Кифанты, а также тела своих солдат, и организовать их доставку в порт. Сам же, в сопровождении лишь пары воинов, зашел в здание сесситий.

Здесь было пусто и царил полумрак. Под низким потолком виднелись длинные столы, предназначенные для совместного приема спартиатами скудной пищи, состоявшей из знаменитой черной похлебки, лепешек, овощей и прочей немудреной снеди. На столах еще остались следы вчерашнего дня: хлебные крошки, несколько плошек и разбитая чаша для вина из глины, задетая кем-то в спешке. Посуду жители Лаконии тоже предпочитали простую.

Глядя на пустые чаши, Гисандр поневоле припомнил, как еще юнцом сам впервые получил разрешение участвовать в таких сесситиях, едва закончив обучение в рядах своей агелы. Он выдержал праздничную порку у алтаря Артемиды и стал, наконец, полноправным гражданином. Теперь ему разрешалось носить оружие и пить вино. Но, в отличие от прошлой жизни, это не означало немедленного разгула и пьянства среди подростков. Вина спартанцы пили мало, так как почитали пьянство за великий грех. Гисандр вспомнил, как педономы и старейшины часто заставляли напиваться илотов и показывали их в таком состоянии своим ученикам, как явное свидетельство того, что пьянство быстро превращает даже настоящего спартиата в скотину.

В этот момент снаружи донесся какой-то отдаленный шум. Отогнав воспоминания, наварх вернулся на площадь. Здесь все было тихо, похоронная команда продолжала убирать мертвецов, а солдаты ждали команды в боевом построении.

– Гисандр, – шагнул к нему навстречу Актеон, за которым виднелось несколько воинов, тащивших изо всех сил упиравшегося человека в сером гиматии, довольно тучного для спартанца, – мы осмотрели все ближайшие дома, но нашли лишь его.

– А что это за шум? – уточнил наварх, не обращая внимания на пленника, походившего на периекского чиновника средней руки.

– На дальнем конце города идет бой, – доложил Актеон, – похоже, небольшой отряд периеков пытался пробиться из Кифанты. По словам моих наблюдателей – они разбиты и отступают обратно к центру города.

– Отступают? – довольно усмехнулся наварх. – Отлично. Значит, Архелон не подвел. Ожидайте их здесь. Гонцов не было?

Лохаг отрицательно замотал головой.

– Ничего, скоро все прояснится. Всех пленных, особенно чиновников, сразу ко мне. А сейчас давай твоего сюда.

Солдаты толкнули человека в гиматии, и он упал на камни мостовой прямо перед навархом.

– Что это за жирный боров? – усмехнулся Гисандр, осматривая его слегка обвисшие совсем не по-спартански бока. – Похоже, его давно не били палками за лишний вес.

В ответ на слова наварха раздался дружный хохот спартанских гоплитов. Услышав насмешки, незнакомец вдруг поднялся, отряхнулся и распрямил плечи. Его лицо наполнилось гордостью, а глаза метали молнии. Он преобразился буквально за мгновение.

– Да как ты смеешь так со мной обращаться? – возопил пленник. – Ты знаешь, кто я такой?

Гисандр был заинтригован.

– Нет, но горю желанием узнать, – кивнул он, скрестив руки на груди, – только поторопись. А то скоро может опять начаться бой, и мне будет не до тебя.

– Я Плиник, – заявил человек в гиматии.

– И? – уточнил наварх, чуть наклонившись вперед. – Я должен почему-то знать тебя, достопочтенный Плиник? Прости, но я долгое время пребывал за пределами Спарты и не знаю последних новостей. Возможно, ты прославился неумным поеданием кур?

Не увидев должной реакции со стороны Гисандра и вздрогнув от новой волны насмешек спартанских гоплитов, пленник, брызжа слюной, выпалил:

– Уже почти месяц, как я выбран эфором Спарты!

Смех почти стих за спиной пленника при этих словах, а сам Гисандр даже присвистнул.

– Вот это удача! Прости, я принял тебя за мелкого чиновника, ведь в Спарте действуют законы против роскоши и давно не отличить важной птицы от простого гражданина.

– И я спрашиваю тебя, как ты смел приказать своим людям так обращаться со мной? – не слушая слов Гисандра, продолжал пленник. – Со мной, тем, кого должны слушаться даже сами цари! Да кто ты вообще такой и как смел появиться здесь с воинами безо всякого уведомления?

– Кто я? – плотоядно усмехнулся Гисандр, до сих пор не веривший своей редкой удаче – к нему в руки в первом же бою попал один из эфоров. – Я Гисандр, победитель Гимнопедий и герой сражения у Фермопил. Возможно, ты слышал обо мне. А еще я верный пес своего царя Леонида.

– Гисандр? – попытался напярчь память Плиник. – Нет, что-то я тебя не припомню.

– Меня знают почти все жители Спарты. А уж эфоры-то наверняка. У них ко мне накопилось, как я слышал, множество вопросов. Наверное, – еще ниже наклонился к нему наварх, – жир затуманил тебе разум. Ты слишком много ешь, для спартанца, достопочтенный Плиник.

– Да как ты смеешь... – опять начал возмущаться эфор, но неожиданно получил удар ногой в грудь, сваливший его на камни. Он упал навзничь, слегка

ударившись затылком о камни.

– Ты не ушибся? – поинтересовался наварх, наступая ему на грудь подошвой. – Просто мне надоело тратить время на разговоры с таким напыщенным болтуном. Прежние эфоры были менее красноречивы, но зато соображали быстрее. Ты еще не понял, что произошло?

Плиник ошарашенно смотрел на своего мучителя, боясь вымолвить слово.

– Я помогу тебе, – подбодрил его Гисандр, убирая ногу с груди. – Время эфоров кончилось. Гармост Кифанты тебя не защитил. Теперь здесь правит только царь Леонид, а я, как ты уже слышал, его верный пес.

При этих словах Гисандр выхватил меч и поднес острие к лицу задрожавшего эфора, до которого, наконец, стал доходить смысл происходящего.

– Я бы и сам тебя казнил. Но, думаю, такой подарок доставит больше удовольствие царю Леониду.

И, отступая на шаг, добавил:

– Зря ты не попытался сбежать с остальными старейшинами.

А обернувшись к Актеону, добавил:

– Свяжите его и отведите на мой корабль. Да передайте Эгору, чтобы следил за ним в оба глаза. Это сейчас самый ценный трофей на нашей войне. Пока он не окажется в порту, ты лично отвечаешь за него.

– Я все выполню в точности, Гисандр, – кивнул лохаг.

Он знаком подозвал к себе воинов. Двое гоплитов подхватили перепуганного насмерть эфора, который потерял дар речи, подняли его и быстро смотали руки кожаным ремешком. А затем уволокли в дальний конец площади. Только там он немного пришел в себя и стал вопить на всю Кифанту, что гнев богов обязательно покарает такого нечестивца, как Гисандр, и всех, кто пришел с ним. Но, получив пару болезненных тычков по ребрам от конвоиров, сбавил тон.

Вскоре он пропал на дороге, ведущей в порт, и его вопли стихли. Да и Гисандру было уже не до него, – шум на дальнем конце города усилился.

Вскоре из-за поворота показался ломаный строй гоплитов, не более трех рядов в глубину, которые пятились под натиском атаковавшего противника. Даже со своего места наварх мог разглядеть их спины и сверкавшие клинки нападавших, которые то и дело обрушивались на щиты первой линии. Отступавших было около сотни. А нападали воины Архелона, числом не сильно превосходившие их. Но на этот раз они дрались, похоже, с воинами-периеками, а не спартанским гарнизоном. Вся эта масса тел медленно, но верно приближалась к площади.

Только сейчас Гисандр вдруг заметил позади сражавшихся пять или шесть мятущихся фигур в гиматиях. Они сбились в стайку в окружении десятка телохранителей, но бежать им было некуда. Впереди и по бокам враг. А то, что было у них за спиной, они еще не смогли разобрать, лишь изредка кидая затравленные взгляды назад и не желая себе признаться в том, что это конец. Судя по всему, это были периекские чиновники или старейшины города, решившие сбежать из него при первых признаках опасности. Ни один спартанский гармост так бы не поступил, и судьба Линоса была тому примером. Честно говоря, наварх вообще не мог понять, как они решились сбежать из города. Ни Линос, ни Плиник, оставшиеся на месте, им этого не могли разрешить. И периекские чиновники сами отлично знали обычаи своих хозяев.

«Значит, они решились на это без дозволения начальства, – подумал Гисандр и не удержался от капельки самодовольства, – но чуть-чуть не хватило везения. Я и это предусмотрел».

В целом задача Архелона уже была выполнена. Его обходной маневр удался и действительно был оправдан. Старейшины города не смогли покинуть его, как ни старались. Даже при помощи сотни вооруженных периеков, которые, надо сказать, сражались стойко. Однако новый хозяин Кифанты не мог больше ждать, пока Архелон довершит дело своими силами, и решил ускорить развязку.

– Адонис, – подозвал он командира второго лоха, – возьми своих людей и атакуй периеков с тыла. Всех чиновников, что останутся в живых, ко мне.

Адонис кивнул, забрал своих людей, и спартанцы легким бегом, со щитами и копьями наперевес, устремились в атаку. Увидев колонну приближавшихся

гоплитов, периекские чиновники пришли в ужас, который наварх ощутил даже отсюда. Страх пахнет очень сильно. Но их защитники продолжали сражаться. Часть солдат периеков, уменьшив плотность фаланги, переметнулась назад и выстроилась в ряд, прикрывая тылы.

Однако все было тщетно. Первым же ударом спартанцы Адониса смяли этот заслон, заколов почти всех, кто осмелился встать у них на пути. Как показалось наварху со своего наблюдательного поста на площади у статуи Аполлона, в пылу схватки они также убили пару чиновников, попавшихся на пути. Остальных старейшин все же захватили и уволокли от эпицентра сражения назад, оставив под прикрытием десятка бойцов. А затем ударили в спину сражавшимся периекам, быстро разорвав их последние построения. Превосходство спартанцев стало почти трехкратным, и дело быстро закончилось. Как ни отважно сражались периеки, до спартанской слаженности им было далеко. Каждый удар копейщиков Адониса валил на землю периеков целыми рядами, а работавшие мечами воины Архелона косили остальных, как траву. Прошло совсем немного времени, как был убит последний воин-периек, одетый как спартанец, а трупы в красных плащах усеяли всю дорогу из города. И опять у Гисандра возникло неприятное чувство, но на этот раз он быстро от него избавился. Только вперед.

– Вот пленные, Гисандр, – сообщил Адонис, когда его воины приволокли упиравшихся чиновников и бросили к ногам наварха, как мешки с навозом. Всего их было четверо. – Прости, еще двоих мои воины в суматохе боя закололи, приняв за гоплитов-периеков.

– Так вот они, бывшие хозяева Кифанты, – усмехнулся наварх, глядя на перекошенные от страха лица чиновников, – не пойму, Адонис, как твои люди могли спутать их с воинами. Это же просто стадо баранов.

Наварх молча прошелся взад-вперед перед сидевшими на камнях пленниками.

– Как же вы посмели бросить свой город без разрешения гармоста? – спросил он, наконец. – Да еще в присутствии эфора, который был у вас в гостях. Так-то вы сохраняете город, вверенный вам властями Спарты.

Старейшины долго молчали, не в силах открыть рот от страха. Молчал и наварх, размышляя о том, что с ними делать. Вскоре ему надлежало двигаться дальше, а управлять захваченным городом кто-то должен. Конечно, предавший однажды

предаст снова. Эти пленники были не столь важными птицами, чтобы везти их к Леониду. Но и казнить их всех было бы неразумно. Других чиновников под рукой у Гисандра не было. Военный комендант для управления хозяйством не годился. Он мог лишь служить источником непрерывного страха. А страх смерти вполне может быть гарантом верности. Хотя бы на первых порах.

Наконец, один из чиновников набрался смелости.

– Никогда еще в нашей гавани не появлялось столько военных кораблей. Мы решили, что на город напал неизвестный нам враг. Персы или афиняне.

– И вы решили сбежать?

– Кораблей было слишком много, а в городе всего несколько сотен солдат. Гармост нас бы не никогда не отпустил.

– Значит, вы должны были умереть вместе с ним.

Чиновник похолодел, но все же выдавил из себя, слегка поправив порванный во время захвата гиматий:

– Мы не спартанцы. Жизнь для нас дороже обычаев. Мы можем и отступить. Ведь мы не знаем, зачем вы пришли.

– Это верно, – кивнул наварх, – вы не спартанцы.

Он присмотрелся к исцарапанному и запыленному лицу чиновника и вдруг узнал в нем того самого, который оказывал им гостеприимство с отцом-геронтом почти год назад.

Гисандр вновь чуть наклонился вперед и спросил:

– Ты не узнаешь меня?

Чиновник чуть отпрянул, но все же присмотрелся к наварху. На его лице отразилось гримаса испуга и непонимания. Чуть помедлив, он отрицательно замотал головой.

– А так?

Наварх снял шлем и потрянул длинными[20 - Юношам, достигшим совершеннолетия, позволялось носить длинные волосы. Считалось, что это делает их более высокими и устрашающими. Спартанцы также считали длинные волосы признаком благородства, свободных людей. Так как рабам было невозможно выполнять свои обязанности, имея длинные волосы.] волосами. На этот раз чиновник вспомнил.

– Вы – сын геронта Поликарха. Вы оба были у меня в прошлом году.

– Все верно. Я вижу, ты узнал меня. Это хорошо. Мое имя – Гисандр. А твое?

Наварх вновь надел шлем на голову.

– Дайонизос, господин Гисандр.

– Так вот, мой друг Дайонизос, – решил наварх, – тебе очень повезло. И твоим спутникам тоже. В честь гостеприимства, оказанного тобою некогда мне и моему отцу, я не казню вас всех прямо сейчас...

Гисандр обернулся, выдержал паузу и, посмотрев на стоявших рядом солдат, добавил:

– Но я могу сделать это в любой момент.

Он подождал еще немного, явно наслаждаясь моментом, пока все старейшины находились между жизнью и смертью. А затем решил просветить чиновников.

– Я прибыл сюда по приказу царя Леонида. Отныне он единственный властитель Спарты и этого города. И ваш единственный господин. Над вами больше нет власти ни эфоров, ни другого царя.

Наварх вновь умолк, давая время на осмысление сказанного. Судя по лицам пленных периеков, эта новость была для них как гром среди ясного неба. Они все еще не понимали, что происходит, но ждать дальше Гисандр не мог.

– Однако война только началась. И до полной победы над нашими врагами, которая скоро наступит, я вынужден покинуть город. Я оставляю здесь гармоном своего помощника Эгора. Но управлять хозяйством спартамцам не с руки. Поэтому я подарю вам жизнь, пока, в обмен на верную службу царю Леониду. Вы согласны служить только ему?

Все чиновники, как один, закивали в знак согласия.

– Отлично, – ухмыльнулся наварх, распрямляя плечи, – будем считать это клятвой верности единственному царю Спарты. Тем более что в случае послушания, Эгор сможет казнить любого из вас от моего имени.

– А ты, мой друг Дайонизос, – обернулся Гисандр к чиновнику, некогда оказавшему ему гостеприимство, – с сегодняшнего дня, волею пославшего меня царя Леонида, будешь главным чиновником в Кифанте и раздашь все остальные должности своим друзьям, как пожелаешь.

Дайонизос кивнул, сглотнув слюну.

– Эгор будет охранять и защищать вас, – добавил Гисандр, пристально посмотрев на Дайонизоса. – Но если что-то пойдет не так, ты умрешь первым.

– Благодарю вас, господин Гисандр, – пробормотал вознесенный на вершину городской власти периек, не знавший, радоваться ему неожиданному спасению или уже молить богов о пощаде. Ибо его жизнь по-прежнему висела на волоске, который в любой момент мог обрубить спартамский меч.

Наварх едва успел определиться с новыми назначениями, как к площади приблизился еще один отряд спартамцев, во главе которого шел Архелон. Спартамцы выглядели немного потрепанными после схватки, но, как всегда, непобежденными. Их предводитель бодро вышагивал впереди, придерживая ножны меча, словно возвращался с увеселительной прогулки, а не размахивал совсем недавно клинком, срубая головы периеков.

– Молодец, Архелон, – похвалил его наварх, едва только его друг подошел ближе, – ты вовремя успел закрыть все выходы.

– Мы едва успели перехватить их уже по пути из Кифанты, – скромно заметил Архелон, кивнув на пленных чиновников, все еще не смевших подняться с камней. – К счастью, мы двигались быстрее. Иначе, еще немного, и пришлось бы пускаться в погоню. Они вполне могли уйти.

– Но ведь ты успел, – махнул рукой наварх, – значит, беспокоиться больше не о чем, дело сделано. Сколько людей мы потеряли в этом бою?

– У периеков было около двух сотен человек. Мы потеряли убитыми не больше трех десятков. Периеки совершенно не умеют воевать.

– Да, но это были жизни спартанцев, – нахмурился Гисандр. – На войне не обойтись без потерь, как ни старайся. И все же ты молодец. Главное, ты не дал им уйти, и пока никто не знает, что мы здесь. А значит, надо развивать успех. Время работает против нас. Поэтому мы с тобой немедленно отправимся обратно в порт и дальше на встречу с царем.

Но едва наварх направился к выходу с площади, как заметил, что к ней со всех сторон направляются простолюдины, одетые в лохмотья или вообще нагишом. Таких, на первый взгляд, набиралось несколько сотен. Позади них Гисандр разглядел солдат из второго лоха, которые подбадривали горожан уколами копий и пинками.

– Придется ненадолго задержаться, – бросил он Архелону, – я должен сообщить им, зачем мы здесь.

Архелон кивнул, останавливаясь чуть в стороне. Вместе с ним остановились и его люди. Все остальные спартанские воины расступились, выстроившись почти вокруг всей площади на соседних улицах и давая возможность горожанам пройти к статуе Аполлона. Земледельцы, пастухи, мастера-оружейники, ремесленники, мелкие торговцы и просто илоты вскоре запрудили всю главную площадь Кифанты. Дайонизос и остальные чиновники осторожно встали рядом с навархом.

– Жители Кифанты! – обратился к ним наварх, возвысив голос. – Меня зовут Гисандр. Я прибыл сюда из-за моря вместе с армией на кораблях нового спартанского флота по приказу царя Леонида. Но вы не должны нас бояться. Отныне ваша жизнь изменится. Над вами больше нет ни власти эфоров, ни

царского дома Еврипонтидов. Все они скоро будут уничтожены. Одного из эфоров мы уже захватили в вашем городе и скоро казним, как и тех, кто попытается сбежать или переметнуться на службу к нашим врагам. Отныне – только царь Леонид, победитель Афин и персов, единственный властитель всей Спарты и города Кифанта. Ваш единственный господин.

На площади воцарилась гробовая тишина. Наварх обвел взглядом толпу, а потом указал на чиновника-периека.

– Я вынужден покинуть город. Но именем царя Леонида я назначаю Дайонизоса верховным правителем Кифанты. Остальных старейшин Дайонизос представит вам лично. А гармостом при нем останется доблестный спартанец Эгор. Вы должны усердно трудиться и выполнять все их приказы. Новая власть несет вам мир, процветание и такие свободы, которых вы еще не знали.

Глава пятая

Божественный луч

Корабль сильно качнуло. Налетевшая волна перекатилась через всю палубу, едва не смыв нескольких морпехов и баллисту за борт. Соленая вода обдала брызгами наварха, капитана триеры и командира морпехов, крепыша по имени Архон, заставив всех ощутить переменчивый нрав Посейдона. Корабль, шедший вдоль побережья Спарты под парусами, скрипел по всем швам. Разгулявшийся порывистый ветер то и дело резко кренил триеру на левый борт, рискуя перевернуть. Усилившееся под вечер волнение грозило перейти к ночи в настоящий шторм.

– Ищи гавань, – приказал Гисандр сквозь свист ветра капитану, оглянувшись на шедший за ним флот, который болтало по волнам так же, как и флагманскую триеру. – Хватит испытывать судьбу. Нужно пристать и вытащить корабли на берег, пока не стемнело и мы на налетели на скалы.

– Все верно, дальше тянуть нельзя. Будет сделано, господин Гисандр, – кивнул капитан и добавил с нескрываемым удивлением, огладив бороду: – Не знал, что

спартанцы такие хорошие мореходы.

– Спартанцы в этом деле новички, – не купился на лесть новоиспеченный наварх, – просто мне уже приходилось несколько раз попадать в шторм. Спартанцы ничего не боятся на земле. Но не стоит рисковать их жизнями там, где властвует Посейдон.

Сказав это, он замолчал и вновь вперил свой взгляд в свинцовые волны и серый небосвод, почти смыкавшийся с ними впереди. Там, где должны были показаться Прасии. Но не раньше, чем завтра. И не раньше, чем спартанский флот будет готов нанести новый удар.

Еще с утра все выглядело безмятежным. Весь первый день плавания навстречу царю Леониду прошел без приключений. Наварх забрал с собой большую часть боеспособного флота из двенадцати триер, включая «пиратские» экипажи, оставив в Кифанте всего шесть кораблей. А также приказ – починить севшую на мель триеру. В крайнем случае снять с нее, а также со второго разбитого корабля, все ценное. Все остальные корабли наварх был вынужден оставить в удобной гавани Кифанты по двум причинам. Первой была бессмысленность использования боевых кораблей в новой операции по захвату Прасий без десантных частей, то есть морпехов. Поскольку почти пять сотен бойцов он «списал на берег». Вернее, поставил им новую боевую задачу.

После недолгих размышлений Гисандр решился разделить силы своей ударной армии. Двести верных Леониду спартиатов оставались с Эгором охранять порт Кифанты и сам город. Такого количества солдат было достаточно, чтобы держать город в повиновении и даже отбиться от неожиданного нападения не слишком больших сил противника, если они появятся. Гисандр рассчитывал, что вопрос с Прасиями решится раньше, чем возникнет такая необходимость. Хотя и не исключал этого. Все-таки в нескольких днях пути на юг находился Заракс, и дальше, за ним, Эпидавр-Лимеры. Гарнизоны этих портов, по словам Леонида, после начала вторжения могли склониться в сторону дома Еврипontiдов. И тогда нападение на Кифанту становилось вполне вероятным.

Впрочем, и там находились шпионы царя Леонида, которые вели агитацию среди солдат и населения. Так что еще оставался шанс, что гарнизоны этих городов все же перейдут на его сторону или, по крайней мере, сохранят нейтралитет. «Даже если на колебания у них уйдет пара дней, с тех пор как они узнают о начале войны, – размышлял Гисандр, сидя накануне вечером на пирсе Кифанты

и глядя на суету моряков, пополнявших запасы, – мы сможем выиграть время и захватить Прасии. А потом, при необходимости, вернуться сюда по морю и выбить всех врагов Леонида из города. У них ведь нет флота, и передвигаться воины Леотихида смогут лишь посуху».

Вообще, за последние месяцы войны с персами недавний спартанский пехотинец, а теперь первый в истории Спарты наварх, уже привык больше полагаться на флот. Ему нравилось передвигаться на кораблях, покрывая значительные расстояния и, неожиданно для врагов, перемещаться с одного театра военных действий на другой. Но судьба Спарты решалась сейчас на суше. Именно необходимость знать, что происходит в окрестностях атакованных городов и на дорогах, ведущих в столицу, заставила наварха отправить еще три сотни гоплитов под командой Архелона пешим путем на север, в сторону Прасий. Этот отряд должен был прибыть туда не позднее чем через три дня. А если спартиаты смогут передвигаться еще и ночью, чего не могли сделать без большого риска корабли флота, то и за два. Архелон имел приказ найти армию Леонида, которая уже могла к тому времени штурмовать город с суши, а может, и с моря, и присоединиться к ней. Или же, в том случае, если штурм еще не начался и армию царя отыскать не удастся, ждать прибытия кораблей Гисандра на берегу. Вступать в бой с ходу Архелону запрещалось. Только по приказу царя или совместно с флотом наварха.

Вторая причина, которую Гисандр не озвучивал никому, выглядела не очень по-спартански, но вписывалась в его тайную стратегию. Опять же из-за отсутствия флота у врагов Леонида, шесть триер в гавани Кифанты в самом безнадежном случае можно было использовать для бегства, а официально «для переброски осажденного гарнизона в любое место побережья». В этом случае маневр можно было приравнять к ложному отступлению, которое спартанцы практиковали на суше. Но в глубине души Гисандр надеялся, что ему не придется прибегать к этому маневру. Поскольку в глазах еще не привыкших к морской войне спартанцев все это очень походило бы на бегство, а это было неприемлемо для гордых спартиатов.

– Ох уж эти мне традиции, – сплюнул наварх на мокрые доски пирса, глядя, как матросы закатывают последнюю бочку по сходням, – сколько народа из-за них полегло.

Но, решив так, Гисандр более не колебался, и двенадцать триер с рассветом вышли в море, казавшееся тогда вполне спокойным. В то же самое время, даже

раньше, триста спартанцев со щитами и копьями во главе с Архелоном уже шагали по дороге на север, покидая протяженный мыс, на котором располагался первый форпост нового спартанского государства.

– Да поможет вам Аполлон, – напутствовал накануне Архелона Гисандр.

– А к вам пусть будет милостив сам Посейдон, – ответил на это его друг, – и не грозит спартанским кораблям своим трезубцем.

– Встретимся у Прасий, – успокоил его наварх, – боги на нашей стороне.

Однако к вечеру погода испортилась настолько, что Гисандр уже всерьез переживал за свой флот, который мог просто пойти на дно со всеми солдатами и баллистами раньше, чем достигнет нужного места. Слушая завывания ветра и глядя на высокие волны, грозившие разбить триеру о рифы, которыми были полны прибрежные воды, наварх уже начал сомневаться, что Посейдон будет к ним благосклонен.

– Если подходящая бухта не появится в ближайшее время, – пробормотал наварх, стоявший рядом с капитаном у скрипевшей изо всех сил мачты, с которой только что, наконец, сняли паруса, – стемнеет окончательно. И тогда мы точно увидимся с Посейдоном, но уже отправившись на корм рыбам.

Не успел Гисандр договорить, как флагманская триера миновала скалистый мыс, загибавшийся полукругом и далеко выдававшийся в море. Сразу за ним моряки увидели глубокую, защищенную от ветра бухту. Берега для Спарты выглядели не совсем привычно. Высокие, скалистые, изрезанные трещинами и мрачноватые. А в центре имелся большой разлом, в глубине которого угадывался вход во вторую, скрытую от глаз бухту. «Просто Норвегия какая-то со своими фьордами, – вспомнил пейзажи из прошлой жизни Гисандр, – но выбирать не приходится. Бухта на вид большая, места для всех кораблей хватит, а в глубине разлома даже пологие берега виднеются. И жилья никакого вокруг нет, что нам только на руку. Ведь эта ночевка уже на земле врага».

Обогнув мыс, флагманская триера подала остальным сигнал «следуй за мной», которому спартанцев научили афинские моряки, и первой вошла в гавань, укрывшись от ветра. Остальные последовали за ней. Течения в бухте почти не было, и триера, давно шедшая на веслах, просто полетела вперед.

– Правь прямо к разлому. Ночевать будем там, но будь осторожен, – напомнил наварх капитану, когда они поравнялись с высокими, поросшими мелким кустарником краями расходившихся в стороны скал, – здесь, наверное, много опасных отмелей.

Опытный капитан лишь покосился на своего спартанского командира, но промолчал. Перечить спартанцам было себе дороже.

– До сих пор Посейдон щадил нас, – не выдержал он все же спустя мгновение, – надеюсь, и сейчас мы достигнем спокойной воды.

Похоже, боги услышали его слова. Бухта прямо на глазах расширялась, а затем стала изгибаться влево. Гребцы сделали еще несколько взмахов весел, и, когда море уже скрылось из вида, наварх разглядел вдалеке зыбкую дымку, висевшую над пологим пустынным берегом.

– Здесь может укрыться три таких флота, как наш, – оценил размеры бухты, скрытой от всех ветров, наварх. Подняв голову, он разглядывал верхушки скал.

– Широкая бухта, – кивнул капитан, – нам повезло найти ее в последний момент, господин Гисандр. Ведь ночь уже вступает в свои права.

За исключением прибрежной полосы, повсюду виднелись лишь отвесные скалы без каких бы то ни было признаков перевалов или проходов наверх. Ни узких, ни широких. Лишь черные птицы вились стайками в небесах. Отсюда было не выбраться, на первый взгляд. Да и вообще мокрым и замерзшим на ветру морякам это место показалось абсолютно глухим, даже пустынным. Когда справа по борту триеры вода внезапно забурлила, а потом на мгновение в зыбком сумеречном свечении из глубины показалась и исчезла чья-то огромная черная спина, наварху подумалось, что в здешних водах вполне могли водиться морские чудовища. Мало ли у Посейдона слуг. Но он быстро усмирил разыгравшееся воображение. Не к лицу спартанцам бояться каких-то чудовищ. Тем более что ни капитан, ни командир морских пехотинцев вообще не заметили этого.

«Наверное, кит, – решил Гисандр, вспоминая свое видение, – хотя к ночи должен быть отлив, если здесь мелко, откуда здесь взяться китам? Не скандинавские

фьорды все-таки, где атомная подлодка может пройти незамеченной».

По мере приближения к берегу вокруг действительно стали появляться признаки мелководья, – то тут, то там из воды поднимались едва заметные скальные выступы. Лавируя между ними, триера вскоре достигла узкой прибрежной полосы, уткнувшись в каменное, но, к счастью, пологое дно. Расстояние между обнажившимися берегом и отвесными скалами, уходившими в темное небо, как раз хватало на то, чтобы люди могли втащить нос корабля на сушу и выйти на берег сами, разбив лагерь.

Едва киль триеры, заскрипев по камням, остановился, наварх первым спрыгнул на берег. Несмотря на то что прыгал он с высоты борта, его сандалии лишь слегка вдавились в песок, под которым обнаружился голый камень.

– Вытаскивайте корабль, пока не стемнело, – приказал он, осматривая пустынный берег и глядя, как остальные триеры заходят в эту уединенную бухту.

«Отличное местечко, – подумал Гисандр, делая несколько шагов по мокрому песку, который был явно нанесен сюда морскими волнами, – надо будет оборудовать здесь настоящую гавань, когда захватим всю Спарту и начнем строить флот по-настоящему. Спарта еще будет владычицей морей».

Сделав следующий шаг, Гисандр засмотрелся на отвесные скалы, хранившие моряков от чужих взглядов, и чуть не упал, поскользнувшись на чем-то мягком. Поглядев вниз, он с удивлением увидел средних размеров рыбу, трепыхавшуюся в небольшой луже. Чуть поодаль били хвостами еще несколько штук. А за ними еще. Гисандр прошелся вдоль берега и насчитал не один десяток вытянутых чешуйчатых тел, там и сям поблескивавших в тине и песке. Вся эта морская фауна еще трепыхалась, а значит, была абсолютно свежей. Попадались и довольно крупные экземпляры. Кроме рыбы тут полно было устриц, медуз и другой скользкой живности, которую отлив застал врасплох.

– А вот и свежий ужин! – повеселел наварх. – Да тут рыбы хватит накормить все команды, если не рассчитывать на пир. По спартанским меркам вполне достаточно. Сэкономим запасы. Главное, что ее можно есть, даже не разжигая костров, что сейчас очень кстати.

Сделав еще шаг, наварх наклонился, чтобы рассмотреть очередной блестящий предмет, но с удивлением заметил, что это не рыба чешуя. В полумраке тускло блеснул какой-то отполированный самой природой полупрозрачный камешек. По форме он был похож на почти идеально круглую линзу от подзорной трубы, знакомую Гисандру по прошлой жизни.

– Интересная вещица, – пробормотал наварх и, сам не зная зачем, засунул плоский камешек за кожаный нагрудник, – возьмем с собой. Может, еще пригодится.

Пройдя до самого конца бухты, Гисандр не нашел никаких троп или проходов наверх. И посмотрев еще раз на край отвесной скалы, подумал о том, что может находиться там, наверху. Если там неприступные места, – это хорошо. А если к обрыву вела какая-то дорога или тропа, то для лучников они были как на ладони. Их могли беспрепятственно расстрелять сверху или забросать горшками с горючей смесью корабли. Судя по пройденному расстоянию, они уже были на подходах к Прасиям, а здесь вполне могли появиться разведчики неприятеля.

«Впрочем, о чем это я, – поймал себя на странной мысли наварх, уже давно живший в состоянии войны, – для жителей Прасии, как и для Кифанты еще пару дней назад, нет никакой войны и течет мирное время. Если Леонид еще не напал на них, то они пока не понимают, что живут в прошлом. А Леонид и я для них – это будущее. Суровое, но неотвратимое, с которым лучше смириться. Так что будем надеяться, что эта ночь пройдет для нас спокойно».

По дороге назад он уже едва мог различить край берега, к которому приставали одна за другой спартанские триеры. Морпехи сыпались на песок десятками, многие тут же падали, поскальзываясь на морских гадах, как и сам Гисандр некоторое время назад.

– Быстрее! Вытаскиваем корабли на сушу, пока не стемнело, – приказывал, проходя мимо, наварх спартанского флота командирам морпехов и капитанам триер. – Костров не зажигать! Выставить дозоры.

– А как же мы будем готовить пищу? – осмелился уточнить у него один из капитанов.

– Мы не будем ее готовить, – отрезал Гисандр и указал рукой на блестящую повсюду чешую рыб в свете луны, показавшейся в это мгновение из-за облаков, – соберите в корзины рыбу и ешьте ее сырой. Тут достаточно свежих морских даров, чтобы не использовать запасы сухого мяса, что есть на кораблях.

Судя по выражению лица, капитан, происходивший не из спартанцев, не привык часто есть сырую рыбу. Но спорить со спартанским навархом, желудок которого мог выносить даже черную похлебку[21 - Уксус с кровью.], не стал.

– Прикажете поставить палатки для воинов на берегу, господин Гисандр? – уточнил возникший из темноты прямо перед ним Архон, когда наварх поравнялся со своей триерой, нос которой уже был вытащен на песок. Гисандр посмотрел на корабль с огромным нарисованным глазом над самым тараном, словно взиравшим сейчас на окрестные скалы, до которых было не более половины стади, вспомнил о рыбе и водорослях, разбросанных по всей прибрежной полосе.

– Нет, спать все будем на кораблях. Здешний прибой, похоже, очень силен. На берегу нас просто затопит к рассвету.

Он еще раз скользнул взглядом по берегу, на котором копошились многочисленные тени, словно посланцы, вернувшиеся из царства Аида. Кто-то собирал рыбу, кто-то втаскивал триеры на берег и готовился к ночлегу. Огней не было.

– Нужно выставить лишь дозорных, чтобы следили за скалами, пока это будет возможно. И за приливом. Ночь будет ясная. А с рассветом пусть возвращаются на корабли. Передай мой приказ всем.

– Будет исполнено, – поклонился Архон, растворяясь во мраке, как бестелесный дух.

Убедившись, что до наступления полной темноты все корабли благополучно вошли в гавань и были вытащены на песок, а его приказы – выставить дозоры, не разводить костров и питаться лишь свежей рыбой – выполнены беспрекословно, Гисандр отправился спать на свою триеру. Там, на корме, рядом с одной из баллист, ему была приготовлена лежанка из заранее заготовленного тростника, прямо под открытым небом. Это было роскошное ложе для спартанского

наварха, от которого он не смог отказаться. Остальные морпехи спали вповалку на мокрой палубе, укрывшись плащами. К счастью, небольшой дождь, что застал их в море, к вечеру прекратился, и все спартанцы, и моряки, измученные штормом за день, получили шанс хорошо отдохнуть и набраться сил. Больше всего повезло гребцам, которые спали на своих скамьях в трюме.

Несмотря на усталость, Гисандр, перекусивший свежей рыбой с коркой хлеба, заснул не сразу. Едва он лег на хрустящую солому и с наслаждением потянулся, давая отдых своему телу, как возшла полная луна. Она светила так ярко и была видна так отчетливо, что наварх поневоле залюбовался ночным светилом и небесным сводом, окружавшим его.

Как-то сами собой всплыли воспоминания из прошлой жизни о первых ученых-астрономах. Имена их еще никто не знал, но в будущем они должны были перевернуть представления о том мире, который еще только складывался на глазах Гисандра.

Наварх вспомнил Галилея – ему предстояло родиться только в шестнадцатом веке. Галилей собственноручно собрал первый телескоп и догадался направить свой взгляд не вдоль линии горизонта, как смотрели все люди до этого, а поднял его вверх, в бездонное небо. И то, что он там увидел, многие годы спустя еще называли наваждением, отказываясь поверить. Галилей первым увидел горы на Луне, а непрерывный Млечный Путь, так любимый греками, вскоре распался на отдельные звёзды.

«Надо будет подкинуть Темпею идею поработать со стекляшками, может придумает телескоп на тысячу лет раньше», – усмехнулся наварх, скосив глаза на врачевателя-алхимика и создателя огненных горшков, который дрых без задних ног с другой стороны баллисты. Темпей вообще плохо переносил морские путешествия. «Или хотя бы подзорную трубу мне соорудит. В море будет незаменимая вещь. Да и на суше пригодится».

Вспомнился новоиспеченному наварху Джорда?но Бру?но, итальянский монах-доминиканец, написавший множество трактатов о вселенной, не одобренных церковью. Учение Бруно о бесконечной вселенной и множестве миров стало главным обвинением против него. Бруно считал, что Бог и вселенная суть одно и то же бытие, а вселенная бесконечна в пространстве и времени. Она совершенна, так как в ней пребывает Бог. И все бы ничего, может и простили б, если бы Джордано Бруно не выступил против системы Аристотеля, предпочтя

ей систему Коперника, и не заявил немыслимое, что звёзды – это далёкие солнца, а центр мира находится вовсе не на Земле. Ну, а уж сомнения относительно непорочного зачатия Девы Марии монаху вообще не могли простить.

Джордано покинул орден доминиканцев, долго скитался по Европе, изучая астрономию. Вернувшись в Италию, был арестован инквизицией, отказался отречься от своих учений, много лет провел в тюрьме, а затем был сожжён на костре как еретик.

«Крепкий мужик, – подумал Гисандр, разглядывая мерцавшие звезды, – предпочел умереть за свою идею. Настоящий спартанец».

По небосводу над измученным бессонницей навархом были рассыпаны миллиарды звезд. Гисандр как-то поневоле стал вспоминать их названия, придуманные греками, и даже пытаться понять, что навело их на мысль назвать два обычных ковшика разных размеров Большой и Малой Медведицей. Но так и не понял.

Тогда ему вспомнился Коперник, первым из людей осознавший, что не Земля, а Солнце было неподвижным центром Вселенной. И на этом основании просто объяснивший людям всю запутанность движения планет. Из-за Коперника ведь все и началось. «Ох, и накрыло меня», – подумал Гисандр, отгоняя воспоминания.

Впрочем, всем этим гениям еще только предстояло родиться и сделать свои открытия. Но и грекам, среди которых пребывал Гисандр, было чем гордиться. Чего стоил один только антикитерский механизм – первый в мире греческий компьютер. Тоже, впрочем, еще не возникший. До него оставалось еще примерно четыреста лет.

Этот механизм, похожий на часы и собранный из многочисленных шестеренок неизвестным мастером на Крите или в Сиракузах, показывал положение Солнца и Луны, определял затмения, а также рассчитывал даты важнейших греческих игр и празднеств. Среди которых были: олимпиады, Пифийские, Немейские даже Истмийские игры, проводившиеся на хорошо знакомом Гисандру перешейке Истм в честь самого Посейдона.

«Мне бы такой механизм, – подумал Гисандр, по привычке приспособливая научные изобретения на военный лад, – да самого мастера. И мои баллисты вскоре стали бы посылать заряды с берегов Эвроты до самых Афин, а может, и еще дальше. Мы бы персов отогнали не то что за Гелеспонт, а до самой Индии».

Еще некоторое время Гисандр смотрел в ночное небо под мерный плеск волн. Представляя, как крохотный шар Земли несется сквозь бесконечное море звезд вместе со всеми людьми, помышляющими лишь о сиюминутных делах и обидах. А потом как-то незаметно отошел в объятия Морфея.

– Господин Гисандр! – услышал он сквозь зыбкий сон голос капитана триеры, который осторожно коснулся его плеча. – Прилив начался. Что прикажете делать?

Гисандр быстро открыл глаза и сел на своей подстилке. Некоторое время он смотрел на склонившегося над ним капитана, а потом резко встал. Потянулся, взмахнул руками, сделав несколько гимнастических упражнений, чтобы размять затекшие во время сна руки и ноги. И лишь затем шагнул к борту, чтобы осмотреться.

Над бухтой висел плотный туман. Но первые лучи солнца, встававшего где-то там, за невидимым сейчас горизонтом, уже проникали и сюда. На самое дно этого природного колодца. Начинало понемногу светлеть. Но пока что наварх с трудом видел даже борт соседнего корабля, за которым передвигались неясные тени.

Тогда он перегнулся чрез борт собственной триеры и посмотрел вниз, на камни, увидев, что они уже скрылись под водой. Массивный корпус корабля начинало слегка потряхивать на волнах. Но он все еще цеплялся килем за скалистое дно, оставаясь на месте.

– Недавно начался? – спросил наварх у капитана.

Тот кивнул.

– Да, вода начала подниматься перед самым рассветом. А сейчас весь берег, где мы вчера собирали рыбу, уже почти затопило.

Гисандр посмотрел в указанном направлении. До отвесных скал было недалеко, и даже сквозь еще не рассеявшийся туман можно было заметить, что там, где он вчера вечером еще спокойно прогуливался, сейчас уже плескались волны. Правда, пока небольшие.

Из-за спины возник Архон.

– Все дозорные вернулись? – уточнил наварх.

– Да, едва вода начала подниматься, они вернулись на свои триеры, – подтвердил командир морпехов. – Мне доложили со всех кораблей.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Гисандр, опершись руками о деревянный борт, – ночь прошла спокойно, никто нас не обнаружил и не напал. Подождем еще немного. Пока туман не рассеется.

– Может, приказать солдатам спрыгнуть в воду и подтолкнуть корабль? – предложил Архон. – Быстрее отплывем.

– Не надо, – отмахнулся наварх. – Скоро вода должна подняться достаточно высоко, чтобы сдернуть корабли с места стоянки и перенести через прибрежные скалы. Раз Посейдон пощадил нас вчера, то и сегодня не оставит. Торопиться не будем. Пусть луна делает свое дело.

– Кто делает? – вытаращился на него капитан.

– Не важно, – перевел разговор на другую тему спартанский наварх, опять вспомнивший свои ночные грезы, – займись проверкой снастей. Они скоро нам понадобятся. За ночь море почти успокоилось. Как только покинем гавань, нужно будет развить большую скорость. Поставим парус. Царь давно ждет нас.

Капитан, уже привыкший иметь дело со спартанским навархом, не стал ничего уточнять. Едва слышав металлические нотки в голосе Гисандра, он почел за благо удалиться на другой конец триеры и там начал подгонять матросов. Так

было гораздо безопаснее.

Командир морпехов тоже отправился проверять своих подчиненных, выстроив их на палубе и заставив проверять амуницию. Сам же Гисандр, пользуясь затишьем, подошел к Темпею. Алхимик, лежавший на мешковине между бортом и баллистой, уже давно проснулся от громкого голоса своего хозяина, но предпочел делать вид, что спит.

– Эй, врачеватель, – наварх мягко пнул «спящего» Темпея в бок носком сандалии, – просыпайся. Разговор есть.

Темпей открыл глаза, изобразив удивление, но тут же сел, привалившись спиной к массивной балке, на которой было собрано метательное орудие.

– О чем вы хотели со мной поговорить, господин Гисандр? – пробубнил Темпей, сладко потянувшись. – В такую рань добрым людям еще следует спать.

– Тот, кто слишком много спит, рискует быть убитым во сне, – назидательно произнес Гисандр, опускаясь на мешковину рядом с Темпеем и точно так же прислоняясь спиной к балке, – нам, спартанцам, нужно уметь чутко спать. Верно, Темпей?

Алхимик вздрогнул от такого вопроса и поневоле кивнул.

– Но поговорить я пришел с тобой не о царстве Морфея, – начал он и осмотрелся вокруг, словно не хотел, чтобы их кто-нибудь увидел вместе или услышал. Казалось, поначалу он был удовлетворен результатами увиденного. Так как висевший над палубой туман делал очертания любого человека, даже стоявшего в нескольких метрах, слегка расплывчатыми. Но взглянув на солнце, скрытое от его глаз тем же туманом, слегка погрузтел.

– Скажи мне, Темпей, – медленно произнес наварх, доставая из-за пазухи небольшой, отполированный водой полупрозрачный камешек и подбрасывая его на ладони. – Ты ведь у меня смысленный малый. Снадобья знаешь. Придумал рецепт горючей смеси для горшков. А тебе не приходило в голову, что поджигать что-то можно не только с помощью огня?

– О чем вы говорите, господин Гисандр? – не понял Темпей, но его взгляд не отрывался от полупрозрачного камня, который подпрыгивал на ладони наварха, то и дело поблескивая.

Гисандр поднял голову и увидел, что туман стал быстро рассеиваться, а в его разрывах прямо над кораблем показалось молодое солнце.

– Я говорю о нем, – наварх поднял палец вверх, указав на светило, – ты ведь наверняка догадался, солнце обладает такой мощью, что сможет своими лучами разжечь огонь такой силы, о которой смертный человек может только мечтать.

– Да, я не раз видел пожары, возникавшие сами по себе, от жаркого солнца, – кивнул Темпей, все еще не понимавший, к чему клонит хозяин, – но я не умею укрощать силу солнца. Смертным это не под силу.

– Это не так уж сложно, – удивил его Гисандр, – если знать, как. Дай-ка мне свою ладонь.

Темпей с интересом протянул свою руку и разжал пальцы.

– Смотри, – приказал наварх и поднял над ладонью врачевателя полупрозрачный камешек, очень похожий на лупу из его прошлой жизни.

Солнце в это время уже светило ярко. Камешек был мутноват, но Гисандру удалось поймать в него солнечный луч и направить на ладонь заинтригованного алхимика. Он держал его так до тех пор, пока не раздался сдавленный крик и Темпей не отдернул руку.

– Ой, – простонал он, убирая резко ладонь, – просите, господин Гисандр, но я больше не мог терпеть эту боль.

– Что ты почувствовал? – спокойно уточнил наварх, не обращая внимания на стоны алхимика, который тер свою покрасневшую ладонь.

– Боль и жжение, – ответил Темпей.

– Вот видишь, – просиял Гисандр, – жжение! Солнечные лучи, которые наше светило рассылает во все стороны, можно собирать в один мощный луч с помощью этой линзы. Я собрал на твоей ладони лишь несколько лучей, и ты уже почувствовал жжение.

Гисандр понизил голос, нагнулся вперед и перешел почти на шепот:

– И это еще почти непрозрачная и очень маленькая линза. А теперь представь, если она будет полностью прозрачной и шириной с бочку?

Заинтригованный Темпей молчал в предвкушении, ожидая, когда хозяин продолжит.

– Эта линза лучом прожжет твою руку и дно нашей триеры. И вообще сможет на расстоянии поджигать другие корабли!

Темпей просиял, словно перед ним раскрыли тайны вселенной.

– А что значит «линза» и «прозрачной», хозяин?

«Эх, я и забыл, что здесь еще не знают ни оптики, ни даже стекла», – расстроился Гисандр.

– Представь стенку горшка, сквозь которую можно смотреть, как сквозь обычный воздух или воду, – попытался объяснить он, вновь демонстрируя Темпею свою блеснувшую на солнце находку. – Только твердая. Вот это и значит «прозрачная». А линза – это вот такая круглая и выпуклая штука, как эта, только опять же «прозрачная».

Темпей помолчал, абсолютно сбитый с толку новыми откровениями. А потом задал вопрос, от которого у Гисандра стало на душе очень весело. Почти так же, как когда он обсуждал с Темпеем необходимость придумать зажигательные горшки для баллисты, которых еще никто в мире не делал. Они тогда были первооткрывателями, поймавшими кураж.

– Но ведь такого материала в природе не существует.

– Вот именно, друг мой, – похвалил его Гисандр, рассмеявшись, и даже хлопнул по плечу, – вот именно. Ты его и придумашь. Держи!

И он вложил полупрозрачный камешек в ладонь мгновенно потерявшего интерес ко всему окружающему Темпея.

«Ну все, теперь не будет спать и есть, – подумал довольный собой Гисандр, вставая и поправляя кожаный доспех, – до тех пор, пока не найдет способ создать прозрачную линзу».

– Я слышал, что их выплавляют из песка, – подбросил задумавшемуся алхимику направление мысли наварх, – правда, чтобы его расплавить, жар нужен очень большой.

Он помолчал еще мгновение, но не выдержал и проговорился:

– А еще – если смотреть через нее не на солнце, чтобы не сжечь глаза, а вдоль горизонта, то можно увидеть дальние берега. Подумай еще и об этом.

Он сделал несколько шагов по направлению к мачте, у которой стоял капитан триеры, как за спиной у него раздался вопрос.

– А откуда вы все это знаете, господин Гисандр?

Наварх застыл на месте, но не задержался с ответом. В этом мире только один ответ мог устроить всех. И он поднял палец вверх, указав на небо.

– Боги открыли мне тайну, – проговорил наварх, вновь бросив быстрый взгляд по сторонам. – Но ты не должен никому говорить об этом. Иначе мы оба погибнем.

Темпей быстро замотал головой.

– Я лучше умру, но не расскажу, – выдавил он из себя, добавив уже еле слышно: – Господин Гисандр.

– Вот и отлично, – снова подбодрил его Гисандр, – умереть мы всегда успеем.

Глава шестая

Тайный посланник

Едва туман рассеялся, а вода поднялась над острыми краями скал настолько, чтобы днища спартанских кораблей ощутили свободу, как в бухте началось движение. Гребцы налегли на весла, и вся эскадра из двенадцати триер потихоньку стала выгребать к выходу из каменного мешка, служившего им пристанищем этой ночью. Первой в скальный проход вошла флагманская триера Гисандра. Сам наварх стоял на носу, рядом с капитаном, и с нетерпением вглядывался вперед, словно ожидая увидеть там что-то, кроме бескрайнего моря, пустынного в этих, почти свободных от судоходства местах. Ведь они были первыми и единственными спартанскими мореплавателями, не считая торговые корабли периеков, изредка бороздившие здешние воды.

Когда корабль, движимый вперед ритмичными взмахами весел, осторожно выбирался из скального прохода, в котором кое-где вровень с бортом триеры еще висел туман, Гисандру вновь показалось, что вода рядом с левым бортом вспенилась сильнее обычного, и на миг на поверхности показалась черная блестящая спина морского чудовища, скрывшаяся вслед за этим в пучине.

– Ты видел? – не выдержал на этот раз Гисандр, толкнув под локоть капитана, и указал в сторону уже сомкнувшихся волн, плескавшихся у самого подножья уходящей высоко вверх каменной стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Торсионные орудия (катапульты, баллисты) были изобретены лишь около 350–300 гг. до н. э.

2

Периеки – дословно «окрестные жители» – свободное, но бесправное население Лаконии, не входившее в состав гражданского коллектива Спарты. Периеки, согласно традиции, жили своими общинами, сформировавшимися из остатков ахейского населения Лаконии после завоевания ее дорийцами, занимались торговлей и ремеслами. То есть тем, чем гражданам Спарты было заниматься категорически воспрещено. В городах и общинах периеков было сохранено местное самоуправление, но никакого права голоса в общественной жизни Спарты они не имели. Кроме того, в случае объявления войны они обязаны были исполнять воинскую повинность.

3

Спартанцы специально не возводили крепостных стен вокруг своих городов, считая, что так их солдаты будут биться с врагом насмерть. Спартанская тактика ведения боя вообще не предполагала отступления (не считая ложных отступлений во время боя, для того чтобы заманить врага в ловушку). Спартанцы могли либо победить, либо умереть.

4

Стадия (греческая) – мера расстояния, равная 178 метрам.

5

Гастрархет (усиленный лук, предтеча арбалета) – впервые появился в Сиракузах около 400 года до н. э.

6

Мора – крупное подразделение спартанской армии, насчитывала около 500 воинов.

7

Государство спартанцев на полуострове Пелопоннес в древности именовалось Лакедемон, а Спартой назывались лишь несколько поселений на правом берегу реки Эврот. Впоследствии название этого политического центра в области Лакония перешло на все принадлежащие государству (как исконные, так и завоеванные) земли.

8

Эфор – от греческого «надзирающий» – высшая судебная должность в Спарте. В первые годы появления должности, предположительно, эфоры назначались царем для его замещения во время военных походов. В обязанности эфора (всего их было пять) изначально входили только судебные функции в гражданских делах. Но постепенно эфорат расширил свои полномочия, выйдя из-под контроля царей. А вскоре сам поставил под контроль общины царскую власть. Эфоры выбирались на один год. Переизбрание на второй год запрещалось.

Ликург – полулегендарная личность, которой приписывается введение новых суровых законов, с которого началось отмежевание Спарты от стиля жизни остальных греков. К 676 году до н. э. относится «Большая Ретра» – самый ранний документ архаической Греции, условно содержащий запись Законов Ликурга. До этого времени Спарта не сильно отличалась от остальных греческих полисов, но уже к V–IV векам до н. э. она превратилась в «военный лагерь».

Согласно Плутарху, Ликург изменил не просто отдельные законы, а преобразовал все государственное устройство и внедрил в общество совершенно иной образ жизни. Он осуществил передел земли, чтобы добиться всеобщего равенства граждан (не зря спартанцев называли гомеями, т. е. равными), и наделил каждого из них равным участком земли, чтобы изгнать зависть, злобу и роскошь, а также богатство и бедность. Ликург «изгнал» деньги. Он вывел из употребления всю золотую и серебряную монеты, запретил «бесполезные» ремесла и торговлю. С его именем связана и система спартанского воспитания. Воспитательный процесс был непрерывным и продолжался даже в зрелые годы.

Обычно любая греческая армия, рискнувшая биться со спартанцами, выставляла фалангу на шесть рядов в глубину, превосходившую построение бойцов Лакедемона. Именно в такой пропорции противники оценивали силы своих и спартанских бойцов.

Кифаред Тимофей из Милета настолько хотел сладкозвучия, что к семи прежним струнам натянул еще несколько новых на своем инструменте. За эту дерзость эфоры его наказали. Они отобрали инструмент и устроили ему показательную казнь: прибили кифару к стене в назидание другим. Самого кифареда, к счастью, не казнили, хотя могли. За нарушение традиций Спарты и законов Ликурга смертная казнь применялась часто.

12

Спартанское войско управлялось царями и полемархами («военными предводителями»), составлявшими штаб войска при царе. Каждый из полемархов командовал морой. Спартанское войско

13

составляли шесть мор. Мора насчитывала около 500 воинов, делилась на четыре лоха, лох – на 2 пентекостерии, а те в свою очередь на 2 эномотии.

Лохаг – командир лоха. Пентекостер, соответственно, командир пентекостерии.

Эномотия это самое мелкое подразделение, в которое входили от 25 до 36 воинов, связанных взаимной клятвой. Предполагалось, что воины, связанные, кроме общей клятвы верности отечеству, еще и клятвой внутри эномотии, с момента ее принесения считались «кровными братьями» и обязаны были помогать друг другу в любой ситуации.

В Спартанской системе власти был не один царь, а сразу два равноправных царских рода, управлявших вместе с эфорами государством, Агиады и Еврипontiды. Царь Леонид принадлежал к роду Агиадов, царь Леотихид к роду Еврипontiдов. В городе Спарта цари жили не в одном месте, а в разных районах (деревнях) – Агиады в Питане, а Еврипontiды в Лимнах. Во время военных походов только один царь мог управлять войском, второй должен был оставаться на территории Спарты.

14

Белый лен – так греки называли волокно произраставшего в Испании растения под названием спартия (*Spartium junceum*), т. е. коноплю, из которой плели канаты карфагеняне.

15

Герусия – в Древней Греции совет старейшин. Рассматривал важные государственные дела, подлежавшие затем обсуждению в народном собрании (Апелле). В Спарте Герусия состояла из 30 человек (28 геронтов и 2 царей), избиравшихся пожизненно. Геронтом мог стать уважаемый гражданин Спарты в возрасте не моложе 60 лет.

16

Фермопилы – по-гречески означает «Теплые врата». Это связано с обилием горячих серных источников, бьющих в окрестностях скального прохода.

17

Символом Спарты, изображаемым на щитах ее воинов, была греческая буква – «Л» (Лямбда), – которая означала первую букву исконного названия страны Лакодемон (Лаконика).

Мойры – богини человеческой судьбы. Слово «мойра» по-гречески обозначает «доля», «часть», что символизирует участь, которую при рождении получает человек. Греки изображали их в виде трех старух – Клото, Лахесис, Атропос, – прядущих нити судьбы.

Лох – подразделение спартанской армии, насчитывал около 125 человек. (Мора – более крупное соединение – насчитывала около 500, иногда 600 воинов. Делилась на четыре лоха). Сам лох также подразделялся на более мелкие соединения – 2 пентекостерии. А те, в свою очередь, на 2 эномотии.

Юношам, достигшим совершеннолетия, позволялось носить длинные волосы. Считалось, что это делает их более высокими и устрашающими. Спартанцы также считали длинные волосы признаком благородства, свободных людей. Так как рабам было невозможно выполнять свои обязанности, имея длинные волосы.

Уксус с кровью.

Купить: https://tellnovel.com/zhivoy_aleksey/spartanec-plemya-ravnyh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)